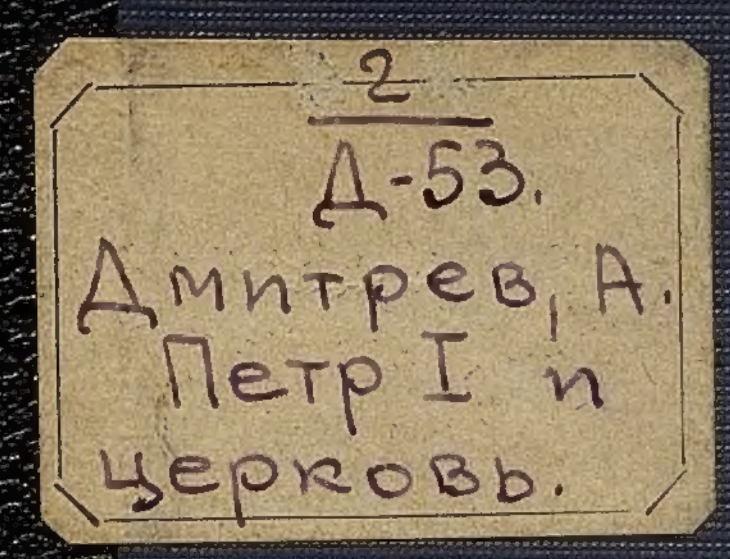
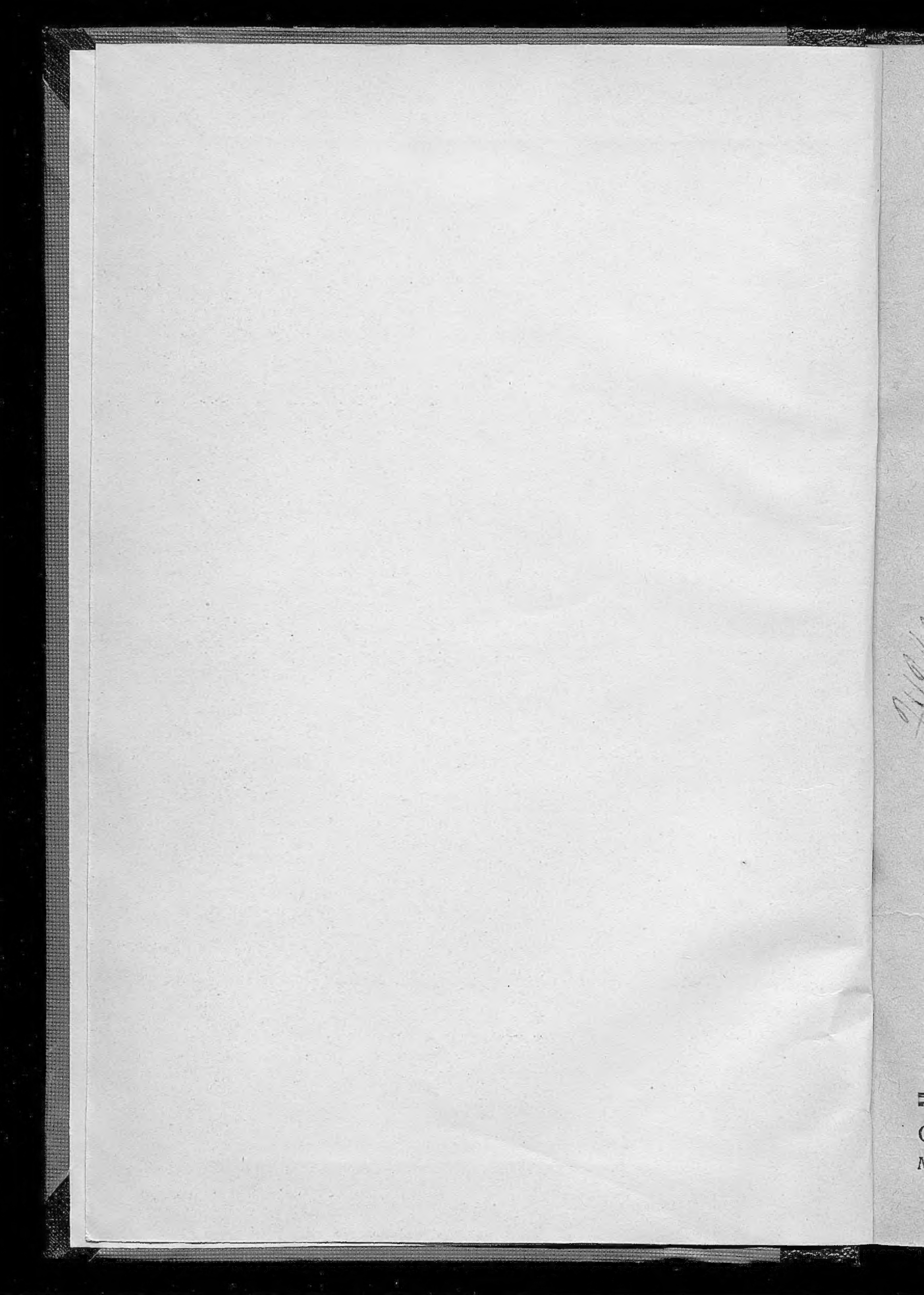

2
Д-53.
Дмитрев, А.
Петр I и
церковь.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ СССР

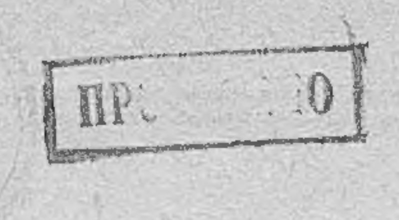
А. ДМИТРЕВ

ПЕТР I И ЦЕРКОВЬ

ОГИЗ — «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Мособлит 1172. Тираж 5.000.

13 типография ОГИЗ'а Москва, Денисовский пер., д. 30.

ВВЕДЕНИЕ.

Эпоха Петра I Романова обычно отмечалась в русской истории как время могущественного «культурного переворота», изменившего собою все содержание русской общественной жизни, давшего новое направление ее развитию и превратившего Московское государство в «европеизированную» «великую военную и морскую державу» — в Российскую империю Романовых.

Но не Петр I явился создателем этой «новой России», и не его «гениальная личность» была истинным источником, из которого возникли все его преобразования, вся его бурная реформаторская деятельность, приведшая Московское государство на новый путь. Неизбежный ход экономического развития и новые производственные отношения сделали возможным, подготовили и породили новый порядок вещей. Сам Петр был только созданием всей предыдущей истории экономического развития Московского государства, реальным воплощением классового торжества определенных социальных сил. Не «гениальным» оригинальным реформатором и «великим преобразователем» старой Московской Руси выступает он со своей пресловутой дубинкой на рубеже XVIII в. Он только ковал своими тяжелыми ударами то железо, которое было уже раскалено до него в процессе длительной классовой борьбы. Он только наиболее выпукло и деловито формулировал и распределил те тенденции и интересы, которые выдвинули на поверхность политической жизни командующие общественные круги государства XVII—XVIII вв. И этот долгий социально-политический процесс, последним завершением которого явились все Петровские реформы и нововведения, как подготовленный всем предыдущим ходом классовой борьбы внутри Московского государства и как начавшийся еще задолго до Петра со всей неотвратимой стихийностью, делает совершенно праздными всякие рассуждения о самой личности Петра как «гениального начинателя», «генерального обновителя», «великого преобразователя» и создателя «новой России».

Исходным пунктом всех Петровских преобразований явился торговый капитализм, их движущею силой — интересы правящего дворянского класса, а их естественной, неотвратимой причиной—

совершавшееся разложение феодального быта, феодальных производственных отношений. И, чтобы уяснить общее направление того социально-политического процесса, который привел Московскую Русь к Петровским реформам, нужно сказать о том, как сложились ко времени Петра главные линии общественных отношений.

Уже в половине XVI в. в экономической жизни Московского государства стал совершаться хозяйственный перелом, ударивший по старому феодальному порядку общественных отношений, внесший существенные изменения в соотношение классов русского общества и давший первый толчок к «преобразованию» феодальной Руси. Стала весьма интенсивно развиваться торговля как внутренняя, так и внешняя и, постепенно развиваясь, вовлекала в свою сферу широкие слои общества. Торговлей и сбытом продуктов занимались не одни только профессионалы-купцы, но и лица всех других классов — крупные вотчинники-бояре, средний класс служилых людей, или поместное дворянство, церковно-монастырская знать, владевшая огромными вотчинами, и даже крестьяне. По словам одного современника «все бегают рукоделия, все щапят торговати, все поношают земледелателям». В этих условиях внутреннего торгового оживления и расширения рынков, как внутренних, так и внешних, появляется русский торговый капитал, а вместе с тем окончательно рушится старый натурально-хозяйственный тип производственных отношений и возникает денежное, товарное хозяйство.

Указанные явления и обусловили собою существенные перемены в соотношении классов русского общества. Феодальная родовитая знать, бывшая правящим классом и владевшая крупнейшими вотчинами, натурально-хозяйственными по своему характеру, не могла легко и скоро приспособиться к новым экономическим условиям, а потому переживала глубокий кризис, заставлявший ее продавать в чужие руки свои родовые вотчины и земли; в то же время среднее и мелкое дворянское землевладение быстро приспособилось к условиям денежного хозяйства, быстро стало организовывать по-новому, на предпринимательских началах, свои поместья и, соблазняемое рынками и всевозможными барышами на них, начало торговать, гнаться за деньгами и барышом, накоплять средства и сосредоточивать в своих руках все более и более значительные населенные территории. С быстрым возрастанием экономического значения среднего служилого класса стал увеличиваться и его социальный и политический вес. Почувствовав свою экономическую мощь, давая вместе с тем и ту реальную военную силу, на которую опиралось московское самодержавие, этот класс стал стремиться к власти, домогаясь получить командующую политическую роль, вырвав ее у ослабевшего экономически боярства. На этой почве в Московском государстве со второй половины XVI в. возникает продолжительная и весьма ожесточенная классовая борьба, во время которой дворянство для успеха дела заключило союз с крупным торговым капиталом, объединившимся с дворянством также в силу общих целей и для победы

над общим классовым врагом. Эта ожесточенная борьба между феодальной знатью и соединенными силами дворянства и крупной буржуазии была упорной и весьма продолжительной. Она тянулась на протяжении всей второй половины XVI и первой четверти XVII вв. и окончилась с воцарением Михаила Романова окончательной победой торгово-дворянских кругов. Неотвратимый ход экономического развития Московского государства на базе торгового капитализма обрекал феодальную знать на полное исчезновение. И весь XVII в., несмотря на отдельные вспышки разбитого класса, не желавшего примириться с потерей своего господствующего положения, являет нам быстрый процесс его исчезновения. С этого именно времени старое родовитое боярство, как политический соперник дворян на арене борьбы за власть, уже не представляет собою никакой социальной силы, могущей энергично и успешно отстаивать свои классовые интересы. Дворянство окончательно вытесняет его из его родовых гнезд и на политическом поприще.

Исчезал и весь старый феодальный быт, разлагалась феодаль-дальная организация Московского государства, оказывались несоответствующими потребностям и интересам новых господствующих классов старые феодальные учреждения. На место сметенного с исторической сцены родовитого боярства с его феодальной идеологией и феодальными формами общественной жизни выдвинулись вперед простой дворянин и «лутчий» «посадский человек», проникнутые капиталистическими тенденциями и торговыми интересами. Захватив в свои руки власть, эти два класса все свое внимание и направили на организацию самодержавной монархии торгово-капиталистической формации. И весь XVII век — это время самой напряженной реформаторской деятельности Московского государства, в которой можно видеть уже осуществленными все главнейшие начала Петровских «новшеств» и Петровской политики. Феодальные учреждения заменились новыми централизованными ведомствами-приказами. Централизовалась власть, развивалось чиновничество, организовалась регулярная армия, создавался торговый флот, торговые интересы заставляли вести частые войны с целью пробиться к центрам мировой торговли. Те же торговые интересы неизбежно определили собою и ту внутреннюю политику чисто меркантилистического характера, которая в эпоху Петра только достигла своего полного расцвета. И понятно, что выступивший на арену политической жизни крупный торговый капитал, перевернувший все прежние экономические отношения, должен был породить и совершенно новую атмосферу общественной жизни, совершенно отличную от мира феодальных производственных отношений и феодального быта. Поскольку хозяйство, приспособляясь к европейскому торговому капиталу, переходило на новые капиталистические рельсы, жизнь и быт Московского государства, главным образом в верхних слоях общества, покидали почву традиции, косности, обычая, которые лежали в самой основе прежней, феодальной Руси.

Совершавшийся рост русского торгового капитала, шедшего с Запада, сопровождаясь все усиливавшимся международным торговым обменом, неотвратимо изменял совершенно всю «культурную» физиономию Московской Руси и делал неизбежным так называемую «европеизацию» ее, т. е. другими словами восприятие новой западно-европейской буржуазной идеологии и новых буржуазных привычек и обычаев. Широкое развитие внутренней торговли и промышленности, их практические нужды, а также капиталистическая предприимчивость, поиски рынков ценного сырья, новых международных путей для сбыта своих товаров, новые войны — все это порождало новые потребности и еще задолго до Петра вызывало у торгово-дворянской самодержавной монархии потребность в прикладных, технических знаниях и военном искусстве, ценить светскую науку и «хитрых мастерством» людей, для чего в старой феодальной Руси, пропитанной церковной идеологией, совершенно не было никакой почвы. За всем этим неизбежно приходилось обращаться к иноземцам, к Западу и искать у него помощи для лучшей организации дворянско-капиталистического государственного аппарата и для скорейшего развития производительных сил внутри страны. Иноземцы нужны были прежде всего, чтобы усилить военную мощь самодержавной монархии Романовых, чтобы изготовлять вооружение и военные припасы, чтобы устраивать разнообразные фабрики и заводы и добывать из недр земли ее природные богатства. Это искание иноземной помощи и приглашение иностранцев начинается в Московском государстве еще в XVI в., чем далее, тем более усиливается, и наконец, в конце XVII в., Москва уже была буквально переполнена иностранцами. Тут были немцы «разных земель и вер», французы, итальянцы, англичане, голландцы и т. д.— в качестве военных инструкторов, знающих «огненный бой», пушечных литейщиков и «рудознатцев», инженеров, врачей, всякого рода техников, ремесленников и мастеров, купцов, промышленников, заводчиков. Вместе с ними стихийно проникали в бытовую жизнь дворянско-торговых классов западно-европейские буржуазные обычаи, привычки, комфорт; «паризия», о которой толковали в своих сочинениях русские купцы, с ее искусством, модами, образом жизни и правилами «светских приличий», стала рисоваться для отечественных купцов и дворян каким-то заманчивым, высоким идеалом, которого стремились достигнуть. «На Руси пакость душевредная распространяется, — говорил в конце XVII в. один церковный обличитель, — ибо многие словенским смиренным языком гнушаются и от чужих возмущенных вод, наблеванных прелестью, лакоме напаяваются» [1].

Такою, по существу уже «новою», входит Россия в XVIII век. Она имела уже все те «новшества», она переживала уже всю ту преобразовательную горячку, которые приписали «великому гению» Петра. Еще задолго до него на новой экономической базе торгового капитала неотвратимо совершался тот могущественный «культур-

---

[1] **Пекарский—Наука и литература при Петре, ч. 2, стр. 224.**

ный переворот», который связали с личностью «великого преобразователя». На долю его в этом стремительном развитии новых производственных отношений выпало лишь завершить эти давние явления совершавшейся смены отживших феодальных форм жизни и быта и феодальных учреждений новыми, соответствующими основной тенденции эпохи развернувшегося и окрепшего владычества торгового капитала. И в этом смысле все Петровские реформы были лишь последним этапом на пути, пройденном Московским государством с тех пор, как новая экономическая сила нанесла первый удар социально-политическому укладу феодальной Руси. Органически связанные со всем предшествующим ходом экономического развития и классовой борьбы, они представляют ее конечные итоги. Это было полное экономическое торжество простого дворянина и богатого купца над разбитой феодальной знатью и как последствие этого торжества политическое закрепление их власти путем создания единой сословной монархии со всем ее механизмом централизованно-бюрократического полицейского государства. Разложение феодальных форм жизни было доведено до конца. Старая феодальная администрация была окончательно разгромлена. Быстро исчезли старые феодальные учреждения и порядки. Преобразована окончательно по европейскому образцу армия, создан флот, и рядом напряженных войн были открыты широкие пути для международной торговли. Наплыв иностранцев значительно усилился, и все, что было данью старому обычаю, косности и традиции феодальной Руси, падало безвозвратно под ее обломками. На фоне русской общественной жизни восторжествовал первый дворянин, первый купец и первый промышленник в своем государстве с громким титулом «императора и самодержца всероссийского».

I. КРИЗИС МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.

Триумф торгово-дворянской самодержавной монархии и завершение ее организационной структуры в эпоху Петра имели чрезвычайно важные последствия для церкви — как в отношении ее экономического положения в новом государственном аппарате помещиков и капиталистов, так и в смысле определения ей новыми господствующими классами специальной роли в общей системе организованного угнетения трудящихся. Вот почему во всей истории русской православной церкви время Петра I—одна из самых ярких и весьма интересных страниц.

Именно в этот период развернувшегося и окрепшего владычества помещиков и капиталистов завершается и закрепляется тот длительный процесс приспособления церкви к новой социально-политической обстановке, в результате которого весь церковный аппарат плотным клином входит в общую систему государственной машины царей Романовых и под рукою «великого преобразователя» из могущественного, экономически влиятельного и независимого феодала—богатейшего земельного собственника быстро превращается в не менее могущественный орган господствующих классов в деле эксплоатации угнетенных масс. Богатый феодальный собственник, вложивший душу живую в идею московского самодержавия, делается теперь «служилым классом» российского царизма и поступает на полное содержание императоров, которые направляют и употребляют его в своих классовых целях и интересах.

Все фиговые листочки, которыми московская феодальная церковь стремилась прикрыть перед угнетенными свое истинное классовое лицо, были сорваны руками практических дельцов, восторжествовавших над феодальным миром производственных отношений. С их точки зрения церковь — «струна, которая составляет гармонию всего тона и все в благоустройстве содержит и в созвучие приводит», а вера — «существеннейшая часть политического правления, служащая стражем повиновения слепому деспотизму». И наступивший новый порядок сразу же отодвинул в область пре-

даний превыспреннюю старомосковскую формулу церковников, по которой церковь имела-де «яко вину конечную, славу божию и спасение душ человеческих», а на место ее выдвинул другую, предуказывавшую церковному аппарату его действительную задачу на земле — «споспешествовать во всем, что к его царского величества и пользе во всяких случаях касатися может».

При крушении старых традиций и форм феодальной Руси видоизменяется у новых господствующих классов и самый взгляд на роль и задачи церковной организации. Пришедший на смену феодальному барству новый дворянский класс столкнулся с церковью, которая сама являлась чистейшим продуктом феодального мира, прочно срослась с этим миром, сохраняла в своей организации все элементы старого быта, идеологически охраняла этот быт в своей повседневной деятельности, закрепляя и освящая господство феодальной идеологии во всех сферах жизни. Церковники, поддерживая политические притязания московских вотчинников на единодержавие и самодержавие, в целях сохранения своих огромных богатств и широких привилегий постарались прямо утвердить в возвышавшейся вотчине московского князя ту идею, что «Москва есть третий Рим», т. е. другими словами — измыслили мировую политическую роль Москвы как центра и оплота вселенского православия в качестве наследницы Константинополя, а ее князя, принявшего титул царя, провозгласили правопреемником византийских императоров, единственным защитником и охранителем православия на земле. Москва-де вотчина «благочестия делателя», представителя и наместника самого бога на земле, а потому московский царь — единственный полновластный хозяин и владетель, «дедичь, отчичь и наследник прародительских земель божиим изволением, а не многомятежного человечества хотением».

Эта церковно-политическая идеология являлась твердой и непроницаемой броней, под защитою которой окрепла, возвысилась и вступила в общественную жизнь идея московского самодержавия. И за подвиг охранения материального благополучия церковных феодалов имена московских вотчинников оказались записанными «на небесах, в книгах животных», а сами они вошли в историю русской общественной жизни, наделенные хитросплетенным титулом «истинныя веры православия боговенчанных царей всея Руси, благочестия ревнителей и мудрых изыскателей святых правил богоуставного закона, иже в благочестии цветущих, иже во всей поднебесной христианом цари, якоже Ной в ковчезе, правящие и окормляющие христову церковь и утверждающие православную веру». Так церковь идеологически отражала совершавшуюся в феодальной Руси борьбу социальных групп за право политического верховенства. Став на стороне московских вотчинников и выдвинув идеологию, что «Москва есть третий Рим», она усилила и без того быстрый рост московского единодержавия, придала ему высшую божественную санкцию и провиденциальный смысл и содействовала окончательному торжеству московского царизма. И последние отзвуки этой церковной идеологии верховной власти ясно слышатся нам еще во второй половине XVII в. из уст

царя Алексея Михайловича, который в письмах своих к боярам Ромодановскому и Одоевскому между прочим писал: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе, на юге и на севере в правду... и о всех христианских душах поболение имети, и в вере крепким быти и в правде и в истине, якоже столпом, стояти твердо и за нее стояти до смерти, во веки и на веки». Он ясно подчеркивает мысль о том, что он—законный преемник византийских императоров, единственная опора и единственный представитель на земле вселенского православия, и отличает свою персону от «царя небесного» существенно только тем, что-де царь небесный—«вечный», а он—царь «тленный» [2].

Отсюда, естественно, следовало, что в эпоху московского царизма, в полном соответствии историческому моменту подавления всяких политических поползновений со стороны родовитого боярства ограничить самодержавие, церковь и государство действовали совместно и единодушно. Параллелизм целей и задач светских и духовных вотчинников был полный, и становится понятным, почему на первое место выдвигалась тогда божественная формула, по которой основной задачей и церкви и государства было «утверждение славы божией и спасение душ человеческих».

Рука руку мыла, и два аппарата классового угнетения — государство и церковь — сливались воедино, ибо задачи и цели их признавались тождественными и совпадали: в совместном сотрудничестве они стремились к достижению одной общей цели — «спасению душ» своих подданных и приведению их «в разум веры истинныя», т. е. другими словами к безусловному покорению под «нозе своя» всех «врагов и супостатов».

Но в эпоху окончательного оформления российского императорского абсолютизма на торгово-дворянской базе параллелизм целей и задач новых классов и церкви был подорван новой экономикой и новыми потребностями торгового капитала. При всей своей беззаветной поддержке господствующих классов церковь ревниво охраняла свое веками накопленное богатство и свои старинные феодальные вольности и, чуя смертельную опасность для своего земного благополучия от торжества «лучших» посадских людей, оставалась на старых позициях отжившей феодальной идеологии; она не могла поэтому усвоить мысли о необходимости дать место неизбежному потоку новых понятий и потребностей, несших с собою конец ее экономической независимости.

Пользуясь своим политическим влиянием, крупные торговые люди, или, как они назывались тогда, «гости», уже в конце XVII в. добились в Московском государстве весьма значительных льгот и привилегий. Они привлекли в посадское тягло слободы, конфискованные у духовенства и бояр, устранили торговую конкуренцию иноземцев, беспошлинно торговавших в стране.

Но перед ними, как бельмо в глазу, стояло привилегированное

---

[2] П. Бартенев—Собрание писем царя Алексея Михайловича, М. 1856, стр. 118.

церковное землевладение и мешало им с успехом «пополнять свои животы и промыслы». Еще в 1662 г. «гости и гостинные и суконные сотни торговые люди» докладывали царю, что «ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление» (т. е. законы). «Гости» практически убеждались, какие великие богатства шли в карманы духовного чина, сохранявшего все свои феодальные привилегии, и решительно добивались ограждения себя от конкуренции сильных соперников. В то же время дворянская знать протягивала свои руки к обширным вотчинам церкви, где на церковных землях государственного тягла находился неисчерпаемый источник даровой рабочей силы. Экономическая политика торгово-дворянской самодержавной монархии властно ставила на очередь вопрос о церковно-монастырском землевладении. Вот почему церковь, желая спасти свою экономическую независимость и свои широкие привилегии, яростно отстаивала старомосковскую политическую теорию власти, с которой тесно были связаны ее материальные интересы. Москва есть третий Рим, а царь ее — единственный представитель вселенского православия,—попрежнему твердили церковные апологеты московского самодержавия. Это давало церковной знати оружие для охранения неприкосновенности ее феодального быта и для внушения недоверия и пренебрежения к вторгавшемуся в московскую жизнь потоку иноземных влияний, который подтачивал и разрушал самые основы этого быта.

В сущности эта инсценировка исключительной национальной нетерпимости и религиозного фанатизма, этот глубокий консерватизм церковных обскурантов, их усилия во что бы то ни стало закрепить нерушимо старину, их фанатическая защита «древлеотеческого благочестия», их слепая и беспредельная ненависть к иноверным «поганым еретикам» и «люторам», их вражда ко всякому свободному движению мысли и науке, их проповедь упрямого застоя и отвращения от «лжеименного знания» западной науки— все эти явления, составляющие характеристическую черту поведения церкви на рубеже XVII и XVIII вв., обусловливались исключительно чувством классового самосохранения богатейшего феодального вотчинника, почуявшего смертельную опасность для своих богатств. В данном случае собственнические инстинкты богатого земельного собственника шли впереди всяких религиозных интересов и руководили всем поведением церкви. Религия делалась великолепным средством для самозащиты, защита чистоты православия — тактическим приемом хищника, из лап которого хотят вырвать его добычу.

Эта яростная борьба за старину — самая реальная борьба за свое благополучие. Но она закрылась от нас ожесточенными догматическими спорами и фанатической полемикой церковников против латинского Запада.

Еще в XVI в., когда под действием торгового капитала начали разрушаться феодальные формы жизни, началась вместе с тем и эта церковная полемика. Церковники предостерегали господствую-

щие классы от всяких научных и литературных произведений «поганых латинян». Когда переведена была с немецкого языка энциклопедическая книга «Луцидариус», заключавшая в себе общие сведения о мире, о звездах и планетах, о земле и людях, о животных, странах света и пр., то церковники выступили не только против этой книги, но и вообще против всех западных сочинений. «Латияне,—говорили они,—много прельстишася внешними учительствы, эллинскими и римскими учениями и книгами арабскими, и не подобает вам внимати их учению и переводить их на русский язык; берегитесь от них, якоже от гангрены и злейшей коросты... Заповедано есть богом высших себе не взыскивать, ни установляти, о них же ни единому открыся от века» [3].

С конца XVI в. эта идеологическая оппозиция против потребностей торгового капитала все более и более возростала. «Братие,— гремели проповедники с церковных амвонов, — не высокоумствуйте. Аще кто ти речет: веси ли философию? И ты ему рцы: эллинских борзостей не текох, ни с мудрыми философами не бывах... Богомерзостен пред господом богом всякий, кто возлюбил геометрию... а се душевнии греси—учится астрономии и эллинским книгам... проклинаю прелесть тех, иже зрят на бег небесный... Мудрость мира — буйство есть у бога, возлюби же простоту паче мудрости; учися держати ум: высочайшего не ищи, глубочайшего не испытуй, а елико ти предано от бога готовое учение, то содержи» [4]. Даже самое чтение книг стремились представить делом, опасным для православия. «Не читайте книг многих», ибо чтения их один «ума исступил», другой «в книгах зашелся», третий «в ересь впал». Иноземцы возбуждали остервенелое негодование, и их представляли «исчадиями ада», «зловерными», «безбожными», «погаными еретиками» и прямо называли «псами». Старые обычаи и традиции провозглашали священными и неприкосновенными, а малейшее нарушение их стремились представить посягательством на «священные основы народной жизни» и называли богоотступничеством и сатанинской ересью. «Которая земля переставляет обычаи свои, и та земля недолго стоит... и сего ради казни всякие от бога на нас приходят за таковые преступления» [5]. — И окружными посланиями спешили предохранить свою «паству» от всяких учений и обычаев «Лютеров» и «Кальвинов». «Видим бо некая, — с грустью писал в самом конце XVII в. епископ Афанасий Холмогорский в своем окружном послании, — кроме закона и заповедания и предания ходящия в чужестранные некие обычаи, паче же прелести еретические и сообщающиеся им... Нововводные чужестранные обычаи помалу вкрадываются тайно в нашу православную восточную церковь от еретических латин и Лютеров и Кальвинов, и учение их всякое... Заповедуем всем отвращатися сего и пребывати в вере и жизни, в нихже ходили и в нихже спаслися наши благочестивые предки» [6].

[3] П. Морозов—Феофан Прокопович как писатель, СПБ, 1880, стр. 23.
[4] Там же, стр. 34.
[5] С. Соловьев—История России, т. XIV, стр. 164.
[6] Ф. Терновский—Русское проповедничество при Петре I, Киев, 1870, стр. 19.

Эта ненависть к иноземцам, науке, знаниям и новым обычаям не была плодом только мракобесия церковных обскурантов, как не была она и борьбою за чистоту веры. Это была борьба открыто встретившихся двух социальных сил, резко обострявшаяся к концу XVII в. С одной стороны стоял торговый капитал, разрушавший на своем пути всякие феодальные вольности и привилегии, мощно и стихийно вторгавшийся во все поры и щели русской общественной жизни вместе с развитием производительных сил, вместе с техническими усовершенствованиями, вместе с новыми запросами и новыми потребностями, а с другой стороны стояла церковь, которая в недрах нового общества еще сохраняла целиком свою экономическую независимость, свои феодальные привилегии, свое лицо владетельного князя богатейших вотчин.

Это ее бытие определяло и ее поведение. Охраняя свое земное благополучие, она ожесточенно защищалась от разрушительно действовавших на ее организацию новых начал, пришедших на смену прежнему порядку вещей. Отсюда — ее лозунги, ее программа отживающих производственных отношений. Отсюда ее упорная защита старых идеологических позиций московского самодержавия. Но эта теория и эти внушения уже не соответствовали экономическим интересам новых господствующих классов и в эпоху Петра обратились наконец в свою собственную противоположность. Если в период образования и упрочения московского царизма они были началами, созидающими, оживотворяющими и укрепляющими идею неограниченного самодержавия, то теперь эта же церковно-политическая идеология стала тормозом на пути успешного развития производительных сил Петровской монархии и, значит, несла с собою не живительные силы для господствовавших классов, а начала для них смертоносные.

В то время как церковь тщилась упорно выставить пропагандируемую ею идеологию власти как самое существо русской национальной жизни, как единственное условие политического превосходства и могущества русского самодержавия, меркантилистическая политика Петра была тою неотвратимой силой, которая властно гнала его в Европу, ко всем этим «злобожным еретикам» и «поганым латинам», не справляясь с субъективными желаниями духовного чина и не слушая никаких увещаний и внушений церковников.

В 1690 г. патриарх Иоаким, умирая, оставил свое политическое завещание Петру, в котором увещевал его «в прародительском своем царском достоинстве и самодержавстве жительствовать благочестиво и праведно во всяком изрядстве», иметь любовь к православной вере, держать «непоколебленно» все ее предания. Особенно же предостерегал патриарх царя от общения с иноземцами и иноверцами: «да никакоже он, государь-царь, попустит кому христианом православным в своей державе с еретиками и иноверцами, с латины, люторы, кальвины и злобожными татары, их же гнушается господь и с богомерзкими прелести их проклинает, общение и содружество творити, но яко врагов божьих и ругателей церковных тех удалятися да повелевает царским своим указом».

Патриарх спешит напомнить «благочестивейшему» самодержцу, что «сие явственно сам бог завещал, како со иноверными еретиками и злобожниками водитися и обращатися кому, и никакую дружбу подобает с ними имети», ибо-де самая целость и величие государства может «содержаться в лепоте и быть в угождении богу» только в том случае, когда все православные христиане «прилежат к добрым делам и отвращаются иноземцев, да не навыкнут иноземных обычаев непотребных». Силою всего своего церковного авторитета патриарх молит Петра сохранить непоколебимо этот завет, и тогда-де милость божья будет с ним, и «господь бог будет ему крепкий покров от всех зол и непреоборимая стена — пресвятая дева богородица Мария» [7].

Перед нами последние заветы московской церковно-политической программы, которые церковь стремится положить во главу угла торгово-дворянской монархии Петра. Но эти заветы теперь уже звучали явным анахронизмом и не были приняты «благочестия делателем» к должному руководству и исполнению. Перед экономическим фактором пределы самодержавной власти оказались ограниченными, и вместо старинной национальной шапки Мономаха и длинной священной мантии византийских деспотов царь надел купеческий картуз, облачился в купеческие одежды и сделался первым купцом и промышленником в своей деспотии. Торговые интересы заставили его со всею решительностью повернуть свое лицо к «злобожным еретикам» и порвать с церковной традицией. Эти еретики теперь были нужнее для укрепления самодержавной монархии, чем строгое исполнение всех заветов и преданий «древлего благочестия». Они становились поставщиками двора «его величества», агентами и участниками многочисленных торгово-промышленных предприятий, обогащавших государеву казну. Они становились инструкторами и командирами реорганизуемых военных сил торгово-дворянской монархии, которая, не надеясь на божью помощь, заводила регулярную армию, снабженную всеми достижениями тогдашней техники, для более успешного подавления бунтов своих верноподданных. И никакие рыкания, проклятия и запрещения церкви, никакие угрозы господним наказанием не могли уже испугать «помазанника божия», ибо он прекрасно понимал, что если к небесной механике религиозного усыпления классовых чувств угнетенных масс придать еще земную механику военной организации, снабженную ружьями и пушками для расстрелов непокорных чад, то и сам господь бог, якобы помазавший его поповскими руками на царство, не в силах будет излить на него свой праведный гнев за нарушение церковных заветов и низвергнуть его с высоты престола. И если бы ревностный защитник своих феодальных привилегий, патриарх Иоаким, прожил немного долее, он увидел бы полное крушение всех своих надежд на сохранение церковью независимого экономического положения и ужаснулся бы от той быстроты, с какой весь церковный аппарат под

---

[7] А. Пыпин — История русской литературы, т. II, СПБ, 1911, стр. 379.

рукою «благочестия делателя» превращался в служебную силу помещиков и капиталистов и отбрасывал далеко от себя всю мишуру и всю ложь фанатической защиты чистоты православия.

Таким образом, мы видим, как тот же рост торгово-капиталистических тенденций, определивших собою в Петровской монархии факт всяческих «культурных новшеств», заставил господствующие классы порвать окончательно с традицией старой церковно-политической идеологии с ее основной формулой «Москва — третий Рим». Этот разрыв заставил Петра искать новых точек опоры для идеи неограниченного деспотизма. Для эпохи Петра, отметившей собою начало века просвещенного абсолютизма, византийско-церковные представления о царе, как избраннике и наместнике бога, должны были казаться уже недостаточными, коль скоро новые господствующие классы вовлеклись всецело в орбиту западноевропейского влияния и восприняли буржуазную идеологию. Одного «божественного» происхождения и принципа богоустановленности было уже мало, и представлялось необходимым укрепить идею неограниченного самодержавия на чисто мирских началах. И в этом отношении Запад дал Петру уже готовые образцы.

Отсюда он целиком заимствует буржуазную теорию так называемого «естественного права» и «общественного договора», по которой идея абсолютизма выводилась из «всенародного намерения» или из «воли народа», якобы пожелавшего для своего благополучия, чтобы был царь на земле и правил им вечно и безраздельно. Ибо царь-де только один может доставить «довольство во всем, потребном для жизни человеческой», «мирное и безмятежное житье», «самое совершенное благо», «ненарушимое блаженство», «всенародную пользу». Нетрудно видеть в этой теории отражение чисто купеческих классовых интересов, которые свою волю и свои намерения для большего тумана подменили «волей народа». Купцу прежде всего нужно «мирное и безмятежное житие», чтобы заниматься своими торговыми делами и класть барыши в свои карманы. Для этого ему необходима была сильная и твердая власть, которая обеспечила бы ему полное спокойствие в стране и ограждала бы его интересы от конкуренции и поползновений всяких «черных» людей. Только при такой неограниченной деспотической власти, склонной поддерживать «всекупецкую пользу», торговые акулы могли рассчитывать на «самое совершенное благо» и «ненарушимое блаженство». И так как в основе Петровской монархии лежали именно эти купеческие интересы и сам Петр сделался первым купцом в своем государстве, то ясно, почему буржуазная теория власти, обеспечивающая «общее благо» подданных, делается новой идеологической подпоркой российского самодержавия на данном этапе общественного развития. И хотя в силу традиций христианского вероучения Петр продолжает называть себя «яко христианский государь, правоверия же и всякого в церкви святей благочиния блюститель», но теперь на первый план выступает уже не идея вселенского православия и его единственного защитника—царя московского, не водворение на земле «царства божия» через приведение всех в свою московскую веру, а главным образом и прежде всего

идея «пользы народныя», «общего благосостояния», блаженства подданных», «беспечения» и «блага общественного».

Так на место старой феодальной теории самодержавной власти Петр утверждает новую буржуазную теорию, отражавшую в себе реальную действительность эпохи и вполне соответствующим образом обобщающую все ее тенденции и интересы.

Принятые в политический символ торгово-дворянской монархии новые принципы «общего блага» не устранили конечно чисто классового толкования этих принципов, так как они не уничтожали классового лица самой верховной власти. Общее благо и блаженство подданных, доставляемые монархом, понимались исключительно как благо и блаженство одних господствующих классов. А народ долженствовал на своих измочаленных спинах доставлять этим классам все необходимое для их блага и блаженства. Вследствие этого новые принципы власти не могли устранить и самого тонкого, самого действенного и могущественного орудия классового угнетения: религии и ее живого проводника — церкви. Для поддержания в торгово-дворянской монархии Петра «спокойствия», дающего возможность эксплоататорам беспечально пребывать в вечном блаженстве за счет дарового труда закрепощенных многомиллионных масс, необходимо было, чтобы массы эти были настроены соответственно хитроумной теории «общественного блага».

Но нет и не может быть иного, более легкого и вместе с тем более действительного способа сделать благу покорных и благу послушных граждан, как ежечасно и ежеминутно внушать им христианскую религию. Ибо эта «святая» религия указывает массам совершенно иного характера благо — «вечное спасение» и блаженство в мифическом небесном раю за подвиг земного страдания в тисках эксплоататора, и затемняет классовое самосознание трудящихся, побуждая их терпеливо переносить свои земные страдания. И так как в христианской религии нигде не сказано, чтобы можно было ниспровергать власти, но, напротив того, предписано повиноваться правительствам и царям не за страх, а за совесть, то отсюда и происходит полное согласие веры, проповедуемой церковью, и политики, проводимой эксплоататорами.

Это не наши мысли. Так учили все теоретики «общего блага» в буржуазных государствах эпохи «просвещенного абсолютизма». Они доказывали в своих многочисленных сочинениях, что церковь — не отвлеченное догматическое понятие, не «союз людей, объединенных верою во христа, без различия классов и национальностей» в целях достижения вечного спасения, как учили попы и монахи, а «высокая цивилизующая сила», содействующая поддержке «общего блага». И поэтому — во всех государствах просвещенного абсолютизма на духовенство были возложены ответственные задачи увещевать подданных к исполнению «норм естественного права», т. е., другими словами — увещевать их пребывать в повиновении и послушании своим эксплоататорам. «Отнимите только, — восклицает один из западных идеологов «общего блага», — страх божий, удерживающий наивеличайшую часть народа и препятствующий

ему делать зло, понуждая его опасаться приготовляемых мук за беззакония в грядущей жизни, и пусть в то же время изгладят из сердца его веру и надежду великого вознаграждения в будущей жизни... то и не будет более обуздания, способного воздерживать злые вожделения и удерживать наводнение несправедливостей и бесчиний, которое покрыло бы вскоре все лицо земли». «Неоспоримое политическое правило есть, — гласит другой учитель теории «общего блага», — что государство не может состоять без веры... Государю должно ли то быть противно, чтобы для содержания своих подданных иметь еще и сие обуздание, столь страшное, действующее над совестью. Скажем еще больше... не бесчеловечно ли было бы проповедывать безверие? Есть во всякой земле миллионы людей, живущих в сем свете гораздо неутешно, кои борются с бедностью, получают свой хлеб претяжкими трудами, а утешаются тою мыслью, что, исполняя свою должность здесь, получают рай... Нужно и важно для пользы общества, чтобы духовенство было почитаемо... В самом деле, духовные, владея совестьми, имеют власть над всеми людскими предрассуждениями, кои они умеют оборачивать, как хотят» [8]. Таково было учение просвещенного абсолютизма о роли и значении церкви в государственном аппарате буржуазии. Воспринимаемое русским самодержавием после разрыва его со старой традицией церковно-политической программы, оно указывало национальной церкви совершенно новые и ответственные задачи в организованной Петром торгово-дворянской монархии. Церковный аппарат призывался к действию на новых началах. Он должен был выступить в роли «высокой цивилизующей силы» и принять на себя главнейшую заботу о «благочестии» и «честном житии» подданных, руководствуя их по пути «нравственного самосовершенствования» как условия, без которого не могло быть «мирного и безмятежного жития», а значит и «общего блага», блаженства эксплоататоров. Надлежало, чтобы религия сделалась, по выражению Петровских указов, «первым основанием государственного благополучия», «крепчайшей опорой монаршего трона и сильнейшим обузданием всех злодейств и беспорядков, могущих возбудить общество». Надлежало, чтобы церковь, включенная в общую систему эксплоататорского механизма господствующих классов, начавших насаждать «земное блаженство» верноподданных, явилась одною из чисто полицейских охранительных сил и превратилась в духовную управу для предупреждения и пресечения преступлений, противодействующих достижению «общего блага», в одно из ведомств, насаждающих по приказам благочестивейших и самодержавнейших земное благополучие помещиков и капиталистов.

Эти задачи и стали перед Петром во всю ширь.

---

[8] М. Рейснер—Государство и верующая личность, СПБ, 1905, стр. 96.

II. ЦЕРКОВНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ.

Однако церковная действительность противоречила тенденциям новых господствующих классов. Среди торгово-дворянской монархии Петра церковь все еще продолжала стоять как отживший призрак старых производственных отношений. В общей системе централизованного государственного аппарата она продолжала выделяться в качестве резко обособленной автономной экономической единицы и являла собою ни на что не нужную торговому капиталу тень центробежных феодализирующих течений. Она сохраняла еще огромные земельные владения, уходившие из-под общегосударственного тягла, и владела широкими феодальными привилегиями, ставившими ее в положение самодовлеющего экономического организма в государстве.

Эпоха, непосредственно примыкавшая ко времени Петра, именно конец XVII в.,—это как раз то время, когда церковно-монастырское землевладение, несмотря на все препятствия и ограничения, которым стало подвергаться еще с половины XVI в., достигает наибольшего развития, а в отношении экономической организованности — и некоторого преобладания в московском государстве. Установить сколько-нибудь точные цифры земельного богатства церкви в этот период не представляется возможным, так как документальных данных от этого времени не сохранилось. Но нет сомнения, что цифры эти должны быть весьма огромны. По крайней мере около ⅓ всех поземельных имуществ находилось в безраздельном пользовании церкви. Одна Троице-сергиевская лавра в XVII в., имела многочисленные вотчины, могущие составить теперь в общей сложности до 15 крупных районов. И притом были лучшие в государстве земли, на которых жило 100.000 крестьян. По словам современника, иностранца Флетчера, она ежегодно получала со своих пашенных и непашенных земель, а также других угодий до 100.000 руб. чистого дохода, что по тогдашнему времени было колоссальной суммой. По словам одного путешественника Павла Алеппского, приезжавшего в Московское государство во второй половине XVII в., доходы Троице-сергиевской лавры равнялись ⅓ царских доходов, а все имения и сокровища, взятые вместе, могли равняться последним. Павел уверяет при этом, что не только в России, но и в целом свете нельзя было найти монастыря, подобного Троице-сергиевской лавре по богатству и обширности земельных владений. У нее в каждой вотчине находились свои таможни

наравне с царскими, причем сборщики царя брали пошлины по 2 копейки с рубля, а монастырские — по 1. Иностранец Майерберг передает также один ходивший в то время слух, что в этой лавре, в потайном месте, хранилась колоссальная сумма до 40 млн. серебряных рублей, подаренных монастырю в разное время князьями, царями и боярами. Но ведь это одна только лавра, и кроме нее в то время было еще до 180 богатейших монастырей, владевших большими земельными территориями и хранивших у себя громадные денежные богатства. А сверх этих монастырских владений были еще особые земельные имущества, принадлежавшие патриархам, митрополитам и епископам, целые области патриарших вотчин, громадные населенные территории во владении князей церкви. Легко видеть поэтому, какое поистине величайшее богатство сосредоточивалось в руках церковников.

Язык цифр поможет нам яснее представить себе всю ценность этого «церковного достояния». Так, в половине XVII в. московское правительство, делая рекрутский набор, постановило с монастырских вотчин брать по 1 ратнику с 300 четвертей зернового хлеба (т. е. с такого количества земли, которое засевается 300 четвертей хлеба). И так как таких ратников монастырями было представлено 1.750 человек, то очевидно, что для обсеменения одних только монастырских пашенных земель нужно было до 525.000 четвертей хлеба. Если положить умолот в 5—6 раз более посева, то от одной только монастырской пашенной земли можно было получить тогда до 3 млн. четвертей хлеба. Это — колоссальное богатство.

Но это богатство собиралось только с пашенной земли. Громадные богатства от эксплоатации лесов, соляных и рыбных промыслов, садов, сенокосов и прочих угодий не поддаются даже учету. Владея вполне самостоятельно и независимо от государства огромными богатствами, церковники в то же время так же независимо и свободно производили крупнейшие торговые и коммерческие операции, приносившие им весьма приличные прибыли. Одну из самых значительных отраслей торгово-промышленной деятельности церковников и по числу, и по доходности составляли соляные варницы. В конце XVII в. торговля солью составляла почти монополию монастырей как в Московской Руси, так и на Украине, и весьма многие монастыри владели хорошо оборудованными соляными варницами, производили обширный соляной промысел и развозили потом по всей России соль для продажи или обмена ее на другие продукты. Соловецкий монастырь продавал напр. ежегодно 2.000 тонн соли и имел свои торговые конторы во всех городах северного края. Кирилло-белозерский монастырь торговал солью «на Двине, и во Твери, и в Торжку, и на Угличе, и на Кимре, и в Дмитрове, и в Ростове, и на Кинешме, и на Вологде, и на Белоозере с пригороды, и по иным местам, где соль живет поценнее, и они тут и продают», как читаем в монастырских актах. Рядом с этим монастыри вели обширный торг и другими продуктами — хлебом, рыбой, мясом, скотом и пр. Редкий из монастырей не был снабжен рыбными ловлями, приносившими ему большие доходы.

Но главное, на что нам следует обратить внимание, — это осо-

бенности церковно-монастырского землевладения и положение церкви как крупного земельного собственника и капиталиста в Московском государстве на рубеже XVII и XVIII вв. В это время уже только она одна сохраняла за собою те широкие привилегии и ту автономность, которые были свойственны феодальному землевладению и феодальным производственным отношениям. Церковно-монастырское землевладение и торговая деятельность церкви были изъяты из общегосударственных повинностей и платежей. Эта «изъятость» земельных имений, принадлежавших церкви, и эти широкие льготы в ее торговых делах с самых ранних пор приняли особо выпуклые и своеобразные формы и составляли одно из самых важнейших отличий экономического быта церкви, доставлявших ей такие исключительные выгоды, каких никогда не имел ни один из светских вотчинников. Никогда в истории Московской Руси последние не пользовались такими многочисленными и разнообразными финансовыми и судебными льготами, которые принадлежали церковным владельцам на основании даваемых им князьями, а потом царями, особых «жалованных грамот». Не даром же служители божьи работали столь ревностно во славу князей и царей. Не даром они тысячами своих хвалебных голосов на протяжении всего времени славословили своих столь милостивых отцов и благодетелей и, окружив их мифическим ореолом «божественного» происхождения, верно охраняли их власть от всяких покушений со стороны угнетенных «рабов божьих».

Выдача церкви таких жалованных грамот началась весьма рано и продолжалась безостановочно вплоть до времени Петра I. Правда, со времени Ивана Грозного экономические интересы поднимавшегося дворянского класса уже заставляли правительство дворян принимать меры к прекращению выдачи новых жалованных грамот и к уничтожению уже существовавших, так как от церковных привилегий «воинственному чину оскудение приходило велие». Но тогдашняя социально-политическая обстановка делала все подобного рода попытки практически неосуществимыми, и жалованные грамоты продолжали даваться церкви во множестве как самим Иваном Грозным, так и всеми последующими царями. Цари и в позднейшее время, до самой Петровской эпохи, не только давали церкви новые жалованные грамоты, но и подтверждали обыкновенно все прежние, данные до их вступления на престол. В силу этого церковь вошла в Петровскую эпоху, полностью сохранив в общем и целом свои широкие феодальные вольности, закрепленные за нею целым рядом льготных грамот, или, как они назывались тогда, тархан. Эти тарханы точно определяли объем принадлежавших церковным землевладельцам прав по владению и эксплоатации их имуществ, и по ним мы имеем полную возможность видеть, в какое благоприятное положение была поставлена церковь как земельный собственник. Большею частью тарханы давались монастырям, причем наибольшее количество их получали знаменитейшие оплоты и щиты московского царизма, как Троице-сергиевская лавра, Кирилло-белозерский, Соловецкий, Волоколамский (Иосифов) монастыри и др. Но кроме монастырей жалованные грамоты

давались также патриархам, митрополитам, архиерейским домам и церквам, владевшим имениями, и даже отдельным попам и монахам.

Важнейшие привилегии, которые предоставлялись этими жалованными грамотами церковно-монастырскому землевладению, заключались в финансовых и судебных льготах. По существу своему они давали церкви такую широкую власть над управлением своими имениями и жившими в них людьми, что фактически вся принадлежавшая церковно-монастырским владельцам земельная территория становилась в положение особого, почти независимого от государства и замкнутого в себе феодального мира, управлявшегося своими законами и своим штатом чиновников. Царским чиновникам даже запрещалось въезжать в вотчины церкви для выполнения там тех или других действий, связанных с их должностью, а тем более вмешиваться в хозяйственно-административную деятельность церковно-монастырских властей. Им запрещалось останавливаться в церковно-монастырских имениях на постой и брать насильно кормы, подводы и продукты. Церковные вотчинники были освобождены от большинства тех податей и повинностей, которые несли светские землевладельцы; кроме того им предоставлялись особенные преимущества относительно порядка взноса тех податей, от которых они не освобождались, и наконец им давалось исключительное право взимать в свою пользу целый ряд пошлин и сборов самого разнообразного характера.

Обыкновенно церковные землевладельцы получали особые, отдельные тарханы на освобождение их имуществ или промыслов от той или другой специальной подати. Так, особыми грамотами соляные варницы и рыбные промыслы духовенства были освобождены от всех податей и повинностей, взимавшихся с промыслов других владельцев в обычном порядке. Льготная, беспошлинная торговля рыбой и солью наносила немалый ущерб государственной казне, но в то же время много содействовала экономическому благосостоянию монастырей, давая ежегодно монастырской казне громадные доходы и полную возможность распространить свое торговое влияние на всю территорию Московской Руси и успешно конкурировать с светскими промышленниками. Особыми же грамотами монастыри, производившие обмен и продажу излишков своих продуктов и приобретавшие нужные для себя товары, освобождались от таких пошлин, которые обыкновенно взимались государством с провоза и продажи всяких товаров.

Жадные до прибылей монахи, не довольствуясь данными им широкими льготами, допускали еще при этом весьма частые злоупотребления и самым беззастенчивым образом надували царское правительство в своих корыстных интересах. Свободные от правительственного надзора они, как говорилось в царских указах, «многие товары провозили сверх жалованных грамот... и в повозках клали разных чинов людей, всякие товары и, называя их своими, провозили беспошлинно», взимая с таких контрабандистов приличную мзду в свою пользу.

Еще важнее в экономическом отношении было исключительное

право церковных землевладельцев взимать вместо государственной казны в свою пользу известные подати и пошлины с определенных лиц.

Так, еще в конце XVII в. они пользовались правом взимать в свою пользу так называемую «пятенную пошлину», т. е. пошлину за каждую продаваемую или промениваемую лошадь крестьян, живших на их землях. Такую лошадь крестьянин обязан был предъявлять монастырскому чиновнику, который накладывал на нее особое клеймо или «пятно», записывал фамилию владельца в особо заведенные книги и взимал при этом особые пятенные деньги. Затем церковные вотчинники собирали в свою пользу так называемую «роговую пошлину» (при мене и продаже крестьянами в пределах их вотчин рогатого скота), а также пошлины с проезда и провоза товаров по церковным землям; пошлины явочные — со всех людей, поселявшихся вновь в церковной вотчине или являвшихся туда для торга; пошлину «сгонную», взимавшуюся с посторонних лиц за возвращение им лошадей, случайно забежавших в церковную вотчину; пошлины померную, возничную и др.

Особенно существенной для церковных землевладельцев была таможенная пошлина, т. е. право взимать особые пошлины со всех лиц, торговавших в известных местах, хотя бы эти лица и не принадлежали к числу жителей церковных вотчин. Примеры предоставления церковным землевладельцам такого рода прав в памятниках конца XVII в. встречаются весьма часто; еще в 1683 г. цари Иван и Петр Алексеевичи предоставили Киево-печерскому монастырю исключительное право взимать таможенную пошлину на Свинской ярмарке в Брянском уезде, а в числе патриарших вотчин уже при Петре считалось 7 таможен, которые специально заведывали сбором таможенных пошлин.

Эти разнообразные и весьма значительные финансовые привилегии церкви естественно приводили к тому, что ее государственные повинности, от которых она не освобождалась, составляли весьма незначительный процент сравнительно с ее колоссальными доходами, возраставшими на базе представленных ей привилегий. Так, богатая ярмарка Симоновского монастыря доставляла государственной казне только 38 руб. ежегодного дохода; Соловецкий монастырь, добывавший ежегодно 1.500 тонн одной соли, за все угодья и промыслы платил в казну 530 руб. Общий же государственный доход со всего церковного имущества в XVII в. равнялся немного более 20.000 руб.

Так же широки были и судебные привилегии церковных землевладельцев. По существу эти привилегии приобретали чисто фискальный характер и составляли один из весьма значительных источников дохода церковной знати, так как при отправлении суда обычно взимались разнообразные и по сумме своей довольно значительные пошлины, поступавшие в пользу церковных судей. В частности духовному суду подлежали как спорные дела по искам, так и дела по преступлениям, и притом не только духовенства, но и светских лиц. Из спорных дел церковный суд вообще ведал не только чисто церковные вопросы, но и такие напр. дела, как иски

по рядным записям, о приданом, дела о незаконных детях, дела по духовным завещаниям и вообще о наследстве и т. д. По делам о преступлениях круг ведомства духовного суда обнимал преступления против веры и церкви, как-то: ересь, волшебство, богохульство, святотатство, осквернение храмов и кладбищ; преступления против семейного союза, против целомудрия, семейные кражи, убийства во время свадьбы и пр. Но кроме этих дел суду церковных властей подлежали известные разряды лиц, которые находились в тесной административной и экономической зависимости от церковных землевладельцев. Кроме попов сюда принадлежало все крестьянское население патриарших, архиерейских и монастырских вотчин, а также так называемые церковные люди и учреждения, к которым относились люди, почему-либо поселившиеся в церковных вотчинах на временное жительство, больницы, гостиницы и пр. При этом все эти лица были подведомственны суду церковных властей решительно по всем как гражданским, так и уголовным делам, «опричь душегубства и разбоя и татьбы (воровства) с поличным».

На почве ее широких привилегий самая организационная структура церкви ускользала от государственных стремлений централизовать и подчинить своим интересам весь церковный аппарат сверху донизу. Еще в феодальную эпоху церковная знать в лице епископов и митрополитов организовывала в своих областях самостоятельное от светской власти управление своими землями и крестьянами, причем в устройстве своего управления и двора брала за образец княжеский двор и княжеское управление. Подобно князьям-феодалам высшая церковная иерархия раздавала также и свои земли в пожизненное пользование разным служилым людям, которые обязывались за это, с одной стороны, отбывать воинскую повинность, лежавшую на церковных землях, а с другой — исполнять при церковной знати те или другие службы по ее назначению. Вследствие этого у правящей церковной верхушки явился весьма скоро многочисленный придворный штат светских служилых людей, заведывавших административным, финансовым и судебным управлением архиерейских вотчин и во всем зависевших от своего «владыки», который мог свободно распоряжаться ими по своему личному усмотрению. Как любой владетельный князь-феодал, «смиренный владыка» имел своих бояр, детей боярских, дворян, которые составляли его свиту, и других служилых людей: дьяков, дворецких, десятильников, тиунов, праветчиков, волостелей, приказчиков, которые управляли земельными имениями «владыки» и собирали для него доходы.

С разрушением феодального быта после централизации политической власти в руках московских вотчинников с титулом царей всея Руси церковь тем не менее сохранила свою старую организационную структуру вместе со всеми привилегиями, и ее правящая верхушка нисколько не потеряла феодальной физиономии владетельных князей. И когда у царей московских стали организовываться различные центральные учреждения, называвшиеся приказами, то по их образцу церковная владетельная знать устроила

такие же приказы и в церковном управлении. Патриарх, имевший в своей собственности большие земельные имения, устроил свой двор и свое управление по образцу московских царей, а местные епархиальные архиереи в свою очередь завели у себя двор и управление по образцу патриарха. Все они чувствовали себя полными хозяевами в своей области и смотрели не только на попов и прочих церковников, но и на всю подведомственную им «паству» как на своих подданных, а на себя как на их неограниченного властелина.

Жесточайшая эксплоатация крестьян, поборы, сборы и повинности, доводившие крестьян до нищеты и разорения, поборы и пошлины с подведомственных им попов—вот характерные черты «святительского» управления обширными областями.

Легко видеть, что в централизованной торгово-дворянской монархии XVII в. церковь по своему экономическому положению резко выделялась из общего государственного строя. Обладая огромными пространствами населенной земли, причем самостоятельная эксплоатация земельных богатств естественно связывалась с независимостью церковных властей-собственников, в административной, экономической и судебной деятельности, она при всех превратностях судьбы к концу XVII в. сохраняла за собою еще очень многое, что делало ее могущественной и влиятельной и давало почву для яростной защиты старой церковно-политической идеологии, отражавшей феодальный уклад жизни Московской Руси. Вместе с тем эта же организация церкви давала место развитию попыток провести в жизнь церковный монархизм, который стал бы рядом с государственным монархизмом помещиков и капиталистов как сила, не подчиненная их целям и интересам, а параллельная их угнетательскому аппарату.

В этом главнейшая причина того столкновения интересов светских и духовных эксплоататоров, которая привела к коренной реформе церковного аппарата, осуществленной Петром. Неудержимым ходом развития церковь обречена была на быстрое превращение в чисто служебную силу торгово-дворянских классов, в простой instrumentum regni (орудие власти) в руках помещиков и капиталистов. Торгово-дворянская монархия не могла терпеть среди себя такого обособленного экономического организма и решительно стремилась проникнуть своим влиянием в церковно-хозяйственную область.

Переломным моментом в этом отношении является «Уложение» царя Алексея Михайловича, в котором церковно-монастырскому феодализму и материальным интересам церковного богатого вотчинника наносился первый весьма чувствительный удар. В этом смысле мероприятия царя Алексея Михайловича по отношению к церкви и все события, связанные с этими мероприятиями, завязали тот узел, который разрубил Петр. Духовенству категорически запрещено было приобретать вновь недвижимое имущество каким бы то ни было способом; поступающие в монастырь лишались права владеть своими вотчинами и записывать их на монастырь, чем они пользовались до сих пор; духовенству запрещено было держать промышленные заведения; у высшей иерархии и монастырей были

отобраны в казну все слободы, населенные ремесленниками и торговыми людьми, но не платившие государству никаких пошлин; посадские люди были возвращены из-под зависимости духовенства, как избегавшие через то общих повинностей. Некоторая часть земельного имущества была отобрана у духовенства и присоединена к государственным землям, а часть из них была роздана служилым и посадским людям. Объем привилегий был сокращен. Все тарханные грамоты, освобождавшие духовенство от таможенных сборов по разным промыслам и торговле, были отменены, равно как и некоторые другие льготные грамоты, освобождавшие духовенство от части государственных пошлин. Наконец был учрежден особый Монастырский приказ, который существенно ограничивал судебные права и привилегии духовенства.

В такую эпоху, среди борьбы двух стремлений, в большом количестве появляются «правила об обидящих церкви божия», «послания о вольностях церковных», «о неприкосновенности церковных имуществ», новые списки уставов, древних князей, заключающих в себе привилегии духовенства. Но ход экономического развития был неотвратим, и никакие протесты и анафемы духовного чина не могли отвратить царя Алексея от того шага, который диктовали ему интересы торгово-дворянских классов. Церковный феодализм в конце XVII в. должен был постепенно уступать свои позиции государственному абсолютизму, должен был покоряться возросшей экономической мощи господствующих классов. Последний бурный взрыв церковно-феодального духа, последняя яркая попытка провести в жизнь церковный монархизм не могли достигнуть своей цели.

В лице патриарха Никона и в его конфликте с царем Алексеем Михайловичем резко сказались эти владычные вожделения богатого собственника сохранить ненарушимыми церковные феодальные вольности, эта упорная тяга к «золотому веку» церковного феодализма. Главным пунктом борьбы этого «святейшего» феодала явилось именно только-что указанное сильное ограничение феодальных привилегий духовного чина учреждением Монастырского приказа и существование ограничительных для прав духовных владельцев статей «Уложения», этой, по словам Никона, «проклятой книги», этих «бесовских еретических законов», которые он под прикрытием целого арсенала божественных словес хотел совсем «искоренить». Он решил под великое земное богатство церкви подвести теоретико-догматическую основу и на основании «священного писания» доказать необходимость земельных прав и привилегий духовенства как явления истинно христианского, заповеданного самим Иисусом христом. С этой целью им была пущена в оборот западноевропейская папистская теория о главенстве духовной власти над светской, о том, что «священство выше царства». Так, прикрываясь теоретическими спорами и возводя в божественный догмат свои инстинкты земельного хищника, церковь попыталась в лице патриарха Никона спасти свою экономическую самодержавность.

«Подчинение духовенства ведению разных приказов, — писал

Никон, — есть дело, противное евангельским, апостольским и отеческим правилам, потому что духовные лица должны быть наставниками, которым обязаны все повиноваться. Они не могут подлежать суду Монастырского приказа, так как там заседают светские лица... Где написано, чтобы царям, князьям, боярам, дьякам, судьям — судить патриарха, митрополитов, епископов, игуменов, попов и причетников. Бог грозно карает за посягательство на духовный чин: Саул за принесение жертвы погубил царство; Иоссия, покадив в храме, получил проказу; Мануил Комнен был остановлен от вмешательства в духовный суд страшным видением... Духовные подлежат суду божию, который должен быть сосредоточен в руках патриарха. И всякий мирянин, который ввергнет епископа в темницу или бьет его, или вымышляет на него вину, будет отлучен»[9]. А в послании своем к царю Алексею Михайловичу Никон уже прямо грозит гневом божьим и всеми его последствиями за прикосновение к церковным имуществам. Особенно же видит он отступление от божественных заповедей в отнятии у духовенства права приобретать вновь вотчины по завещанию и в конфискации у патриарха, епископов и монастырей посадских слобод и людей, занимавшихся ремеслом и торговлей. «Священническая часть, — писал он по поводу этого, — божия часть, и потому отнятие у духовенства пожертвованных вещей и имуществ равняется похищению наследства божия. За вмешательство Дафана и Авирона в дела скинии их пожрала земля, потому что они не принадлежали к левитам; царь Иоссия простер руку на кивот завета — и был поражен свыше. Так бывает и со всеми, кто посягает на принадлежность церкви: патриарших, епископских слобод мало взяли, а больше погубили своего: взяли тысячи, а погубили тьмы, то от междуусобий и мора, то от войн и других бедствий»[10]. И Никон, «ничтоже сумняшеся», прибегает к шантажным приемам и запугиваниям. Он рассказывает, как эму якобы является «святитель» Петр, митрополит Московский, и повелел напомнить царю, что тот, прикасаясь к церковным имуществам, оскорбляет бога, за что уже постигал Россию два раза мор и еще грозит пожар царскому дворцу. «Ради неправды и разорения церковных имуществ царство переходит из плена в плен», — заключает он свое послание.

В то же время этот «святейший» феодал, будучи патриархом, употребляет все свои усилия и пускает в ход все преимущества своего высокого положения и приближенности к царю, чтобы приобрести себе как можно больше всяких материальных средств, сосредоточить в своих руках возможно обширные и доходные владения и скопить у себя значительные сокровища. В интересах личной наживы он грабил направо и налево, «заставлял плакать князей и бояр» и даже разорял старые монастыри и пустыни. В его лице, как в фокусе, сконцентрировался и ярко отразился тот дух ненасытной алчности, бесстыдного хищничества и безумной жад-

---

[9] Каптерев—Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. Сергиев-Посад, 1911, стр. 193.

[10] Там же, стр. 212.

ности, который составлял характерную черту церковно-монастырских вотчинников. Путешественник Павел Алеппский сообщает, что Никон довел свои имения до громадных размеров сравнительно с владениями своих предшественников-патриархов, так что сделался богатейшим человеком после царя. «Этот патриарх, — говорит Павел,—имеет большое влияние на царя, и потому, в то время как прежде было пожаловано патриархии угодье в 10 000 крестьянских дворов, Никон довел их число до 25 000; ибо всякий раз, как умирает кто-либо из бояр, патриарх является к царю и выпрашивает себе часть крестьян и имений умершего. Он взял также себе во владение много озер, кои приносят ему большой доход от соли и рыбы... Он взял себе половину дохода монахов, так что его ежегодный доход составляет, говорят, 200 000 рублей. Доход его с церквей города Москвы и окрестностей составляет 14 000 рублей»[11]. Кроме того Никон построил 3 новых монастыря, которые приписал к своей кафедре как свою личную собственность. И он, так сказать, задачей своей жизни поставил сделать эти 3 монастыря самыми богатыми в ряду других русских монастырей. По его усиленной просьбе царь наделил от себя эти монастыри землями, селами, деревнями, пустошами, разными угодьями, озерами, рыбными ловлями, соляными варницами с заводом и пр. Весь доход от эксплоатации имущества этих монастырей поступал в личную казну патриарха. Располагая огромными суммами, Никон и сам покупал у разных лиц и земли, и поместья на свое имя и на имя своих монастырей, владения которых благодаря всему этому стали очень велики. Но и этим не удовольствовался корыстолюбивый патриарх. К своим монастырям он распорядился еще приписать из разных епархий 14 старых монастырей и пустынь со всеми землями, угодьями, крестьянами и принадлежавшими этим монастырям капиталами. Таким образом он образовал для себя довольно обширный удел, некое феодальное княжество, где был вполне независимым правителем — маленьким царьком, не признающим никакой другой власти кроме своей. И казна патриарха Никона нисколько не уступала царским богатствам. В описи ее между прочим означено: 140 образов серебряных, золотых и вызолоченных, украшенных драгоценными камнями: яхонтом, жемчугом, лалами, бирюзой, топазами, изумрудами, алмазами и увешанных разными мелкими дорогими вещами; 48 золотых и серебряных крестов, точно так же украшенных многочисленными драгоценными камнями; 12 панагий золотых и серебряных с драгоценными камнями; 22 церковных сосуда золотых, с драгоценными камнями; 13 пелен бархатных и атласных с камнями; 16 посохов сандальных, раковинных, финиковых, черного дерева—в серебре и золоте с камнями. Затем перечисляется множество одежд, драгоценных камней, куски золота и золото в листах, шелк, кружева, оружие, часы и т. п. вещи В мешках было найдено 16 696 руб. серебром, 2449 золотых ефимков, 751 золотая монета разных сортов. Сверх того по описи драгоценных вещей Никона, хранившихся в Воскресенском монастыре, зна-

---

[11] **Каптерев**,—указанное сочинение.

чилось: золотой крест с 46 алмазами, золотая запона в камнях 300 руб., золотая панагия с большим яхонтом и 24 малыми; 4 изу руда в 300 руб. каждый, 2 изумруда в 700 руб. каждый; 2 изумру в 200 руб.; несколько камней яхонта, лала, топаза, жемчуга, алмаз Постройка патриаршего дома в Москве стоила Никону 20 000 ру насадный завод — 10 000 рублей; потом еще затратил на нас 9 000 руб.; на 3 000 рублей купил лошадей, а шапка архиерейск обошлась ему в 6000 руб. [12].

При таком колоссальном по тому времени богатстве Нико удержал в себе и все типические, исконные черты крупного це ковного вотчинника — черты хищного эксплоататора, которы притворяясь бедным и убогим, всюду и всем жалуется на скудос и убожество своей «обители», всюду и у всех постоянно выпраш вает «христа ради» на свое пропитание. Этот богатейший кня церкви, последний яростный защитник церковного феодализм не считал для себя унизительным притворяться крайним бедн ком, умирающим с голоду, и свои богатые «обители» выдавал крайне скудные, во всем нуждающиеся. Так, в своих многочи ленных челобитных царю он смиренно молит: «смилуйся о мн богомольце своем, нищем и скудном, пачеж алчном... только у мен и есть таких рыбных ловель на обиход, что рыбок десяток ил больше»; он с притворным отчаянием восклицает: «мы, богомольц твои, помираем голодной смертью, хлеба купить стало не на чт и монастырское строение стало в недостройке», и он со слезам просит о помощи: «чтоб нам, богомольцам твоим, не помереть г лодной смертью и от скудности хлебныя врознь не разбрестись хлеба и денег уже нет, и что было рухлядишко всякого и скота, продали и издержали на монастырские расходы, а впредь прожит нечем». Но в то же время он под шумок грабит и разоряет всех каждого: и бояр, и монахов, и крестьян. «Не в пустынях разжил Никон вещьми века сего, — пишут о нем современники, — власти взяв патриаршую казну и других епископий, и всего царствую щего града Москвы и других городов выморных домов животы. Великим бо образом изыде в свой Новый Иерусалим, разоряя бо грабя пустынные места и казну их к себе присовокупил... убоги домы пожрал граблением, многим скорбь и бесчисленную пакост содея». Другой современник пишет о нем: «Похищайся бо тот волк Никон, яко разбойник грабя себе и святых монастырей села и вот чины, и у князей такожде отъемля всяко и к своим прилагая И многие князи ослезил, и монастыри оскорбил и разорил, и прос тых крестьян тяжкими труды умучил» [13]. А когда господствую щие классы протянули свою руку к лакомому и жирному куск церковного богатства, он благим матом завопил к господу богу и вооружившись текстами «священного писания», выдвинул тео рию — «священство выше царства», чтобы оградить свое добро о конфискации.

---

[12] В. Иконников—Опыт исследования о культурном влиянии Византии, Киев, 1873, стр. 464.

[13] Каптерев—указанное сочинение.

Таков этот колоритный образ московского патриарха, всплывший на поверхность в момент начавшегося процесса превращения церкви русской из феодальной в дворянскую. Церковь произвела последнюю попытку утвердить в торгово-дворянской монархии свою экономическую независимость, свои феодальные привилегии, свою феодальную организацию. Опираясь на свое экономическое могущество, она не хотела сдавать своих позиций привилегированной и автономной коллегии и поэтому яростно защищала идею единовластия патриарха, не зависящего от царя в сфере церковно-хозяйственной жизни. Таким образом надеялась она сохранить и впредь свои земельные богатства и свои привилегии. Но эта попытка стояла в полном противоречии со всем ходом экономического развития Московского государства, уже пережившего свои феодальные формы быта, а потому и потерпела неудачу. Правда, Московское государство под влиянием внутриполитических осложнений и народных восстаний принуждено было пойти на некоторые уступки церкви. Монастырский приказ был уничтожен, и церковная знать возвратила себе утраченные привилегии. Процесс полного исчезновения феодальных сил таким образом задержался, но не надолго. Противоречивые тенденции продолжали действовать, и через непродолжительное время господствующие классы вновь начинают форсированное наступление на церковный феодализм с целью окончательного включения церковного аппарата в общий государственный механизм самодержавной монархии. Это уже было время Петра I.

III. БОРЬБА ПЕТРА I С ЦЕРКОВНЫМ ФЕОДАЛИЗМОМ.

В проведении идеи единовластия патриарха, не зависящего от царя, напротив, — возвышающегося над ним в делах духовных, церковная знать видела единственное средство спасти свое положение в государстве в качестве привилегированной собственницы земельных владений. Вот почему вся высшая церковная иерархия, лично враждебная патриарху Никону из-за его деспотического и грабительского образа действий по отношению к церковной периферии, все же восприняла его идею, объединилась вокруг нее и сделала ее своего рода знаменем, под прикрытием которого яростно выступила против секуляризационных попыток правительства царя Алексея Михайловича.

Мы видим в действии ту же идею и в царствование Петра. Весьма характерным выражением ее в это время служит «окружное послание», написанное патриархом Адрианом ко всей пастве вскоре по вступлении своем на патриарший престол. Основная мысль, которая красной нитью проходит через все его «послание»,— это мысль Никона о превосходстве священства перед царством, т. е. защита церковного монархизма. «Два начальства, — пишет Адриан в начале послания, — вышнейших устрои бог на земли, священство, глаголю, и царство. Одно служит божественному, другое же владеет и печется о человеческом... Царство власть имеет только на земле, между людьми.... Священство же власть имеет и на земле и на небе, ибо то, что свяжет на земле, будет связано и на небе, и то, что разрешит на земле, будет разрешено и на небе». Далее Адриан прямо заявляет, что «глава всех есть патриарх, ибо он есть образ христов», и заканчивает свое послание довольно недвусмысленными словами: «глаголати перед цари свободно — устно и не стыдетися долг имам, непослушающии гласа моего архипастырского не нашего суть двора, не суть от моих овец, но козлища суть, волкохищница суть. О них же в последстве вин не имам, зане долг мой отдах, слово рекох и волю господню всем возвестих (сей убо мой есть долг), послушати же или ни, ваше и оных есть, слушаяй бо меня — христа слушает, а отметаяйся меня и не приемляй глагол моих, рекше христа бога отмещет и не слушает, яко сам христос рече; и слово, глаголанное от меня, яко судити имать в день судный» [14].

---

[14] П. Верховской—Учреждение Духовной коллегии. Ростов-на-Дону, 1916, стр. 353.

Таким образом, та теория иерократического господства, которая за 30 лет до того возбудила столь ожесточенные страсти и борьбу окончившуюся временной победой церковной знати, а именно отменой всех ограничений вотчинных, судебных и административных прав архиереев и монастырей, введенных «Уложением» 1649 г.. эта теория вновь пускается в оборот и выдается в официальном церковном документе как правомерное божественное учреждение.

Это совершенно противоречило новой, воспринятой Петром теории верховной власти. Новая политическая теория «общего блага» отводила духовенству роль служебной силы, орудия власти господствующих классов. Для ее осуществления необходимо было в первую очередь положить конец тому прежнему порядку вещей, в силу которого духовный «чин» являлся каким-то государством в государстве, уничтожить самый корень этого порядка, отнять у церковной знати последнюю надежду на сохранение своего привилегированного положения независимого земельного собственника,— иначе говоря, нужно было и фактически и юридически покончить с вопросом о церковно-монастырском землевладении и ликвидировать былое величие церковных вотчинников. И Петр во имя «общего блага» помещиков и капиталистов приступает к совершению этой серьезной операции. Борьба торгово-дворянской монархии с церковно-монастырским феодализмом вступает в новую стадию своего развития и принимает теперь решительный оборот. Бывшие до того столкновения сгущаются в систематическое крупное наступление по всем пунктам, и дело идет уже не только об ограничении земельных владений церкви или лишении ее феодальных привилегий, но прямо об отобрании у нее всех доходов с этих владений и лишении ее непосредственного заведывания своим имуществом.

Уже в начале своего царствования, вскоре после обнародования «Окружного послания» патриарха Адриана, Петр своим указом прекращает дальнейший рост церковных имуществ и уничтожает все привилегии, которыми пользовалось духовенство. Так, в 1696 г. он решительно отказал сибирскому митрополиту, просившему о назначении ему вотчин. Дозволив Троице-сергиевскому монастырю в 1698 г. меняться в Елецком уезде своими замлями с соседними помещиками и вотчинниками, он тогда же постановил: «иным та их мена не в образец и на пример не выписывать», а в 1701 г. выразился об этом способе приобретения земель в одном своем указе еще яснее: «в монастырях властям с помещики и вотчинники жилыми и пустыми землями до его великого государя указу не меняться и в поместном приказе по их заручным челобитным тех мен не расписывать». Тем же указом подтверждено было: «к домовым патриаршим вотчинам поместных и вотчинных земель не покупать»[15]. В то же время были вновь введены в действие все постановления царя Алексея Михайловича, запрещавшие духовенству приобретать земли каким бы то ни было способом. Точно так же были подтверждены все прежние законы об уничтожении тар-

[15] Милютин—О недвижимых имуществах духовенства в России, „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1861, кн. I.

ханных грамот, освобождавших промыслы духовенства от там
женных пошлин, и отменены все права церковных владельцев в
сбор в свою пользу каких бы то ни было пошлин. Правительств
теперь стало строго наблюдать за действительным исполнение
всех постановлений, не признававших за духовными владельцам
никаких исключительных прав и привилегий. Так, в 1699 г. унич
тожено принадлежавшее по старой жалованной грамоте Песнош
скому монастырю право на сбор таможенных пошлин в селе Рога
чеве. В том же году отнято у Симонова монастыря право на сбо
таких же пошлин в его Весьегонской вотчине, жалованное грамото
царя Федора Алексеевича. В том же году отменены все прежни
привилегии монастырей на изъятие от печатных пошлин. В 1700 г
указано: «Троицкого Сергиева монастыря жалованную грамоту, п
которой в Клементеве слободе пошлин сбираны на монастырь, от
ставить» [16]. В том же году было вообще предписано гражданским
чиновникам руководствоваться в отношении церковно-монастыр
ского вотчиновладения общими для всего государства законами
взимании в пользу казны пошлин: «тарханы, с кого пошлин н
имано, все отставить, и брать пошлины всякого чину со всех п
Торговому уставу и по новоуказанным статьям равные, для тог
что по его великого государя указу, каков состоялся в печатно
приказе, печатные пошлины велено имать со всяких чинов людей
равные, а с кого наперед сего не имано, и то отставить, потому что
по прежним указам всякие тарханы отставлены».

Так было покончено со всеми финансовыми привилегиями цер-
ковных землевладельцев, приносившими им весьма значительные
экономические выгоды.

Одним ударом были уничтожены и все судебные привилеги
духовенства. Все судебные дела, которыми ведали до того патриар-
шие и архиерейские приказы, были переданы по принадлежности
в соответствующие государственные учреждения. Таким образом
судебная компетенция церковной власти, простиравшаяся прежде
на всех церковных людей и крестьян, живших на патриарших
архиерейских и монастырских землях, прекращалась. Теперь все
эти лица подходили под действие одних и тех же общих правитель-
ственных законоположений и должны были по всем без исключе-
ния делам обращаться в светские судебные учреждения. А жите-
лей патриарших, архиерейских и монастырских вотчин было
весьма много: в одной Московской губернии они составляли третью
часть всего народонаселения, а именно, — их считалось тут 54 603
двора и 34 127 четв. земли, а прочих — дворцовых и помещичьих —
161 572 двора и 60 589 четв. земли. И так как судебные привилеги
церкви приобретали по преимуществу фискальное значение как
средство выкачивания из населения всякого рода судебных и кан-
целярских пошлин, шедших в церковную казну, то легко видеть,
какой большой материальный ущерб наносили церковным вотчин-
никам эти постановления.

---

[16] Милютин — О недвижимых имуществах духовенства в России, „Чтения в обществе истории и древностей российских“, 1861, кн. I.

[17] Там же.

Как трудно было церковной знати расставаться с этим весьма значительным источником доходов, видно из действий нижегородского архиерея Исаии, который на первых порах не подчинился указам Петра и продолжал судить своих людей и брать судебные пошлины в свою пользу. К нему послали чиновника вразумить, что все дела судебные «отца их патриарха Адриана взяты уже в Московский судный приказ», и при этом была сделана архиерею угроза, если он не подчинится, «всех приказных его людей взять и держать в Московском судном приказе, пока он не вышлет дела» и не прекратит «ослушного и продерзостного самочинства».

Но кроме этого уничтожения права церковников судить население своих вотчин Петр значительно ограничил область суда по чисто церковным делам, а в отношении подсудности всего духовенства были изданы постановления в тех же пределах, в каких некогда они очерчены были в Уложении Алексея Михайловича, а именно — на суд светских чинов было отдано и духовенство по гражданским и уголовным делам, как во взаимных исках, так и в исках на них посторонних лиц. Масса дел таким образом перешла от церковных судов в светские, и даже суд о преступлениях против веры не мог совершаться без участия государственных чиновников. Все же вообще судебные пошлины по чисто церковным делам должны были поступать в царскую казну.

Отняв у духовенства все финансовые и судебные привилиги, Петр принялся за другие важнейшие источники дохода церковной знати. Начиная с 1700 г., он целым рядом своих указов мало-помалу лишил всех церковников «вечного и неотъемлемого» права управлять бесконтрольно своими богатейшими имуществами и доходы от них употреблять на свое «благоденственное житие». Это — самая важная и многочисленная часть петровских узаконений по отношению к экономической базе церкви. Постановления Петра в этом отношении резко отличают его царствование от всех предшествовавших и полагают прочные основы для осуществления задачи дворянской монархии сделать из церковного аппарата надежное, верное и преданное ей орудие власти. Они расчищают почву для новой церковной организации и сдают в архив истории старую феодальную церковь, неприспособленную к новой социальной обстановке и новым задачам, возлагаемым на нее господствующими классами. Это нужно помнить, и нельзя поэтому усматривать в стремительном натиске Петра на колоссальные экономические блага церкви простое желание «ограбить церковное достояние», искоренить авторитет, силу и могущественное влияние церкви. Не в интересах господствующих классов было совершенно разгромлять духовное сословие и принижать его авторитет. Они своей борьбой с церковным феодальным духом стремились лишь оздоровить в своих целях весь аппарат церкви, привлечь его на сторону новых потребностей времени, стремились, чтобы наряду с другими государственными силами порабощения и гнета духовное сословие в целом получило такое устройство и такую организацию, при которых оно могло бы сделаться одним из могучих средств этого порабощения и гнета. Для этого нужно было вырвать его из цеп-

ких объятий прошлого и, взяв его на свое приличное содержани
повернуть лицом к настоящему.

Русская церковная жизнь конца XVII и начала XVIII вв. пред ставляла собою картину деморализации. Полнейшее невежеств полнейшая деморализация и пьянство, пьянство беспросыпное ужасающее — вот отличительные черты русского православно духовенства Петровской эпохи. Это была армия хмельная, буйна и страшная по своему поведению, действовавшая явно отрица тельно на религиозно настроенных людей и непригодная для тог чтобы удерживать в повиновании и «страхе господнем» угнете ных. По уровню своего образования попы совершенно не возвы шались по сравнению со своей «паствой». Многие из них был совершенно безграмотны и не умели связно сказать двух-трех сло За взятки епископы посвящали таких невежд и облекали их зв нием «учителей и пастырей народа». И эти пастыри были в полно подчинении у боярства и посадских людей, которые трактова своих попов как холопов и нередко били их «смертным боем Сельское же духовенство и по происхождению, и по хозяйстве ному положению сливалось с кулацкими верхами и кормилось счет трудящейся массы крестьянства, вымогая от него продукт поборы и сборы. Для поднятия своих доходов они «давали моли вы в шапку», доставляя ее на дом тем, которые не приходили церковь. В городах протопопы и дьяконы пьянствовали и безо разничали в храмах, «в церкви божия приходили, аки разбойни с палки, а под теми палки у них бывают копейца железные, и б вают у них меж себя драки до крови и лая страдная». Они бродя ничали, собирались на мостах и на перекрестках улиц в ожидан найма, шумели и ссорились на улицах пьяные в поисках работ ходили по кабакам, выпрашивая денег на водку, стремились др перед другом проявлять «силы и храбрость к питию» и, пьян участвовали в уличных драках и скандалах. Иностранец Пьер как он рассказывает в своих записках, он тысячу раз видел по столь пьяными, что они не могли стоять на ногах, а иногда и п сто валялись на улицах. Другому иностранцу, Веберу, показал чрезвычайно дико, когда в первый раз он увидел, как пьян попы затеяли между собою драку в кабаке и с таким усерди колотили друг друга большими коромыслами, что некоторых них замертво потащили домой, но впоследствии он пригляделся таким явлениям.

Пило и высшее духовенство, но оно пило не на виду у наро а в своих «покоях», и «паства» не видела его пьяных физионом так как оно прибегало ко всякого рода ухищрениям, оправды на себе известную поговорку: «спереди — блажен муж, а сз всякую шаташася». Так, у иностранца Герберштейна мы встреч свидетельства об одном митрополите, который от пьянства пос янно имел красное лицо. Но, чтобы не казаться своей «пастве» п данным более Бахусу, нежели постам, бдению и молитве, он к кий раз, как намеревался служить, искусственно делал свое л бледным с помощью серного дыма. Иностранец Рейтенфельс дел общее замечание о русском высшем духовенстве того времени,

оно было в высшей степени лицемерно и, на самом деле предаваясь пьянству, в глазах других желало казаться святым.

В изыскании новых источников доходов архиереи побуждали подчиненные им монастыри «приискивать явления икон в пустыне или при источнике» и объявлять такую «приисканную» икону чудотворной для привлечения в свои карманы трудовых денег народа. Но этот метод обогащения церковников вследствие их невежества и неуменья тонко обставить дело выливался только в явное для всех шарлатанство, обман и плутовство, которые лишь «смущали верующих» вместо того, чтобы поднять и оживить угасавшие религиозные чувства. Иностранец Олеарий представляет многочисленные примеры такого неумелого и явного для всех обмана попов и эксплоатации ими в свою пользу суеверия народа. Так, в Архангельске два попа сговорились сделать красками искусственные знаки на иконах и разгласили о «чуде», чтобы навести на жителей страх и вынудить их к пожертвованиям. Обман скоро открылся, и даже малые дети смеялись над мошеннической проделкой «учителей и пастырей». Вебер также рассказывает об одном попе, который задумал обогатиться посредством устроенных им некоторых «чудесных» действий иконы божьей матери. Он намазал икону липким веществом и объявил, что божья матерь указывает верующим, кого из них она примет к себе в небесную обитель. Для того, чтобы узнать об этом, нужно-де приложить к иконе монету, и если монета пристанет, то и душа верующего будет на том свете вместе с богородицей. Монеты, разумеется, приставали к иконе, и поп клал деньги в карман, пока сами верующие не открыли обмана и не устроили тут же, в церкви, грандиозного скандала, избив мошенника-попа.

Довольно часто также мы встречаем в тогдашних актах и документах указания на воровство духовенства и многочисленные жалобы на попов за оскорбление действием.

Еще мрачнее и ужаснее встает перед нами из документов этой поры картина монастырских нравов, которая затмевает собою даже нравы монастырей XVI в. В монастырях нашел себе место и теплый, сытый угол всякий сброд, бежавший от труда, от военных и других повинностей, искавший дарового хлеба и разнузданной, праздной жизни. В монастырях толпились ленивцы, тунеядцы, безнравственные люди, убегавшие от преследований закона каторжники и убийцы, надевавшие на себя маску поста и святости. «Нынешнее житие монахов,—отмечал Петр в своих указах,—точию вид есть и понос от иных законов, не мало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, и сколько забобонов (суеверий) и возмутителей произошло, ведомо есть всем также... А что, говорят, молятся, так и все молятся. Что же прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни богу, ни людям; понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть» [18].

Желание избавиться от всякого труда, стремление к сытой

---

[18] **Милютин**—указанное сочинение.

праздности заставляло эти скопища чернорясников кочевать по своим вотчинам, по селам и деревням, обирать крестьян и всюду предаваться пьянству и всевозможным видам разврата. Пьянство, самый разнузданный разврат и ненасытная страсть к легкой наживе занимали в монастырском быту того времени первое место. Вопреки своим обетам, которые монахи произносили перед своим пострижением, они беспросыпно пьянствовали, проводили жизнь «во всяком бесчинии», «беспутно волочились», шатались по кабакам, производили «многую вражду и мятежи». Пьянствовали и начальники монастырские, и вся «братия». Нередко бывали случаи, что монахи пропивали свои «обители». Так, в Костромской и других епархиях было много «маленьких и меленьких» монастырей, где положительно «все чернецы спились, заворовались и стали забродягами». Один архимандрит обвиняется в мздоимстве; на другого жалуются, что он наносит побои и истязает крестьян и монастырских слуг; на третьего—что он нещадно бьет плетьми заподозренных в краже; на четвертого—что он заколачивает людям под ногти деревянные спицы и т. д. и т. п. Архимандрит Бизюкова монастыря, «всегда пьянствовавший» с монахами, «творил многие бесчиния и драки». Так, он посадил одного монаха на цепь, и крестьяне по его наущению прибили этого монаха почти до смерти. Когда же архиерей послал сюда комиссию из монахов с подьячими для расследования, то пьяный архимандрит бегал в одной рубашке и кричал крестьянам: «бейте монахов, они вас разорили!» и посланных чуть было не убили. Бывали часто случаи, что настоятели монастырей принимали участие в разбоях и ограблениях и укрывали в монастырях награбленное. Обдирая с древних пожертвованных икон и крестов оклады, вытаскивая из них драгоценные камни, сплавляя в слитки серебро церковных сосудов, архимандриты продавали все эти ценности скупщикам по «сходной» даже для того времени цене. Церковно-монастырское богатство, достигшее в течение веков огромной ценности, «погибало в прихотях владельцев» и уплывало в карманы «святых отцов» и их бесчисленных прихлебателей без надлежащей пользы для дворянской монархии. Все разорялось, расхищалось, шло на роскошный стол, напитки, шикарные выезды настоятелей, расходилось по рукам архиерейских любовниц и многочисленной родни церковных вотчинников, которая, как голодная саранча и «волки не сытые», тащили к себе и хлеб, и скарб, и деньги стараясь обеспечить себя и в будущем на счет «церковного достояния».

Такова картина внутренней церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. Она свидетельствовала помещикам и капиталистам о полном моральном разложении духовного чина и сигнализировала им о том, что весь церковный аппарат сверху и донизу был совершенно неспособен взять на себя предназначенную ему господствующими классами новую роль «высокой цивилизующей силы», призываемой упрочивать и охранять их «общее благо». Церковь, располагая изобильными материальными средствами, имея в своих руках колоссальные экономические блага, не приносила господствующим классам никаких осязательных плодов

упорно стоя на старых, отживших позициях церковно-политической идеологии во имя своих вотчинных прав, она не могла сделаться действительным проводником новых идей императорского абсолютизма и отдать себя в распоряжение командующих классов. Смердя и разлагаясь среди своих огромных земельных владений, она не могла сама перейти на новые рельсы и приспособиться к новой социальной обстановке, чтобы на новых началах продолжать свою руководящую роль в организации эксплоатации трудящихся.

А между тем это была незаменимая для этой роли сила — сила, которая испокон веков держала угнетенные массы в цепях религиозных суеверий и духовного рабства. Торжествующему абсолютизму пришлось поэтому сосредоточить свое внимание на этом аппарате классового угнетения: перестроить его организацию, остановить его разложение, воссоздать и оживотворить его на новые подвиги за «веру, царя и отечество». Вот почему ни о каком «унижении» церкви, разгроме и сокрушении стад этих тунеядцев и паразитов не могло быть и речи. И те тяжелые удары, которые железная рука деспота сыпала на голову церкви, наносились ей для ее же укрепления и упрочения в государстве помещиков: они выковали новую церковную организацию—прочную опору предержащей власти.

В 1700 г. умер патриарх Адриан. По случаю этой смерти Алексей Курбатов, знаменитый Петровский «прибыльщик», оберегатель государевой казны и надсмотрщик над тем, «как бы учинить государству прибыток», писал Петр, который в это время находился под Нарвой: «Ныне же, всемилостивейший государь, видим, яко в духовных хощет бог, да ты попечешися и усмотриши правительства того от многих бывшия поползновения... видишь и ныне, государь, ежели те же будут во управлении, добра никакого не будет... И сего ради... о избрании, государь, патриарха, мню, достоит до времени обождати, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотрети. Ко усмотрению же над всеми и собранию домовыя казны достоит, государь, избрати кого тебе, государю, от усердных. Зело, государь, ныне видится во всем слабо и неисправно. Також, государь, чтобы в архиерейских и монастырских имениях усмотреть и волости переписав отдать все в охранение, избрав кого во всяком радении тебе усердного, учинив на торосправный приказ особливый. Истинно, государь, премногая от того усмотрения сбиратися будет казна, которая ныне погибает в прихотях владетелей».

Из приведенного письма Курбатова мы можем ясно видеть, что не «гений великого преобразователя», а правящие классы, волю которых творил сам «великий гений», призывали его активно вмешаться в духовные дела, не избирать нового патриарха и совершенно изъять из церковного ведения экономические дела по управлению церковными имениями. Возвратившись из-под Нарвы, Петр исполнил все советы своего «прибыльщика». Вместо патриарха был назначен «блюститель и администратор патриаршего трона» митрополит рязанский Стефан Яворский, которому были поручены чисто духовные дела. Для дел экономических в области

церковно-монастырского хозяйства был восстановлен закрытый в 1677 г. Монастырский приказ, во главе которого стал бывший астраханский воевода Мусин-Пушкин. В указе, изданном по этому случаю, было сказано: «Дом святейшего патриарха и домы архиерейские и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеевичу Мускину-Пушкину, а с ним у тех дел быть дьяку Ефиму Зотову и сидеть на патриарше дворе в палатах, где был Патриарш разряд и писать Монастырским приказом» [19]. Этому вновь учрежденному приказу предписано было немедленно принять из-под власти церковных учреждений все вообще имущества — вотчины, поместья угодья и промыслы, привести их в известность, потребовать от церковных владельцев существовавшие описи, проверить их, составить новый, точный и подробный инвентарь и принять меры против возможного исчезновения или сокрытия наличного имущества. «а для переписки дому святейшего патриарха и всех архиереев и монастырей и их вотчин и всяких угодий послать царедворцев людей добрых».

Мусин-Пушкин «со товарищами» весьма ревностно принялся проводить в церковных вотчинах финансовую и экономическую политику Петра. В них переписывался отдельно каждый дом, каждое село и деревня с точным обозначением количества земли, к ним относящейся, а также всех оброков и податей, с них поступающих, недоимок за ними числящихся, вообще — с точным учетом всех доходов по каждой вотчине. При переписке и принятии церковного имущества было предписано произвести строгую проверку распоряжения церковными владельцами своею казною. Особенно строгие меры предписано принимать против тех церковных владельцев, на которых числились в момент передачи имущества «начетные деньги»; было приказано таких бить на правеже палками, пока не выплатят недоимки. И мы видим, что по специальному царскому распоряжению относительно архимандрита Рождественского монастыря Иосифа, на котором оказалось недоимочных монастырских денег 1770 руб., было повелено: «в монастыре бить его на правеже до тех мест, как заплатит; да и впредь которых монастырей на властях явятся начетные деньги, и на них править же».

По существу своему распоряжение Монастырского приказа церковно-монастырскими имениями было не чем иным как настоящей секуляризацией, хотя и не доведенной до конца. В ведомство Монастырского приказа поступало все, начиная от обширных населенных имений и кончая простой монашеской мантией и поношенным поповским подризником, от богатейшей монастырской казны до келейной мелкой рухляди епископа, от дорогих архиерейских митр, крестов, панагий и окладов, усыпанных драгоценными камнями, до последней ветоши, разбитой мебели и порченой узды монастырской лошади. Прежние хозяева лишались права не только

---

[19] Полное собрание законов и распоряжений по ведомству православного исповедания, т. I.

распоряжаться всем этим имуществом по своему усмотрению, но даже высказывать по поводу его хотя бы свое мнение.

Вместе с тем производилась и прямая секуляризация церковного имущества. Значительные доходы церковь получала от своих многочисленных угодий и промыслов в вотчинах, отдававшихся в аренду или в оброчное содержание. Такими доходными оброчными статьями были сенные покосы, огороды, пустоши, мельницы, лавки, леса, соляные варницы, рыбные ловли и др. Одна патриаршая кафедра владела очень многими угодьями и промышленными заведениями, которые она отдавала на оброк и которые приносили ей большие доходы. Как велики были эти доходы в эпоху Петра, можно заключить из следующего указания «приходо-расходной книги денежной казны рыбы и рыбных запасов» от рыбных промыслов на Волге, в Астраханской губернии: «прошлого 174 г. в нынешний 175 г. осталось наличных денег и по кабалам и по доимочным тетрадям бескабально, на ком что взять за рыбы и за соль, 14 453 р. 31 алт. полпяты деньги» [20]. И это только от рыбы на астраханских учугах. Общее количество одних только денежных доходов патриарха от оброчных статей и промышленных заведений, не считая наличных запасов натуральными продуктами, которые шли на содержание патриарха и его многочисленного двора, простиралось в эпоху Петра до 130 000 руб. в год.

Еще огромнее в общей своей сложности были доходы монастырей от всех этих оброчных статей. Правительство Петра поспешило секуляризовать все эти доходные статьи и объявило их собственностью государственной казны. Они перестали считаться церковным имуществом, и, не дожидаясь окончания срока урочных лет по прежним отдачам, Петр повелел переоброчить их с новых торгов, которые были назначены для всей России в Москве, и отдавались Монастырским приказом всем желающим в новое «вечное» оброчное владение. Царский указ относительно этой меры говорил: «Дому святейшего патриарха и архиереев и всего Московского государства монастырей мельницы, перевозы, мосты, пустоши, рыбные ловли и всякие оброчные статьи, которые отданы на оброк до урочных лет, и ныне дать торг, и кто с торгу за оброчные статьи станут давать больше прежних оброков и ныне оброчные статьи отдавать из наддачи новым откупщикам, не дождидаясь по прежним отдачам урочных лет» [21]. Все наличные запасы рыбы, соли, муки на мельницах, сена на сенокосах, плодов в садах, древесного материала в лесах и пр. были отобраны в казну, а вываривание и продажа соли объявлены государственной монополией.

Вслед затем Монастырский приказ стал широко практиковать отчуждение в другие руки значительных земельных участков, принадлежавших церковно-монастырским владельцам. Одни вотчины отписывались в казну, другие отбирались на государя и отдавались частным лицам, третьи поступали в ведение различных горо-

---

[20] М. Горчаков—О земельных владениях митрополитов, патриархов и синода СПБ. 1871, стр. 327.

[21] Полное собрание законов и распоряжений по ведомству православного исповедания, т. I.

дов и присоединялись к образуемым губерниям. Особенное внимание при этом было сосредоточено на ликвидации патриарших вотчин. По именным указам, шедшим через Монастырский приказ, продавались целые селения из патриарших вотчин. Так, по указу 8 марта 1702 г. проданы были ближнему стольнику царя Бутурлину село Петрищево и деревня Савелково за 1000 руб., каковые деньги и получены были в Монастырском приказе. Многие вотчины приписаны были к разным государственным учреждениям «всяким ведением и сборами» и «отданы во владение». Так, в 1703 г. все патриаршие вотчины Белозерского и Пошехонского уездов, в количестве 1000 дворов, приписаны были к Олонецкой верфи; Осташковская слобода и Окопецкой погост Ржевского уезда отданы «всяким управлением и окладными и неокладными сборы» в команду Ульяна Синявина, распорядителя в Ингерманландской канцелярии, и «приписаны к Петербургу», т. е. на расходы для постройки столицы. Подмонастырская слобода Нижегородского благовещенского монастыря была приписана в посад Нижнего-Новгорода, а затем отписана «к низовым винокуренным заводам государыни». Деревни Постниково и Марушкино были причислены к зеркальному заводу. Село Воробьево Московского уезда взято было в удел ко дворцу, а затем пожаловано во владение «прибыльщику» Алексею Курбатову; деревня Колпинская Костромского уезда отдана была патриаршему дворянину Ивану Сурмину [22].

Еще более уменьшились владения патриаршего дома по случаю нового разделения государства на губернии. Известно, что в 1708 г. Петр I дал России новое областное устройство. Он разделил Россию географически на 8 административных округов с именем губерний. В каждой губернии велено было губернаторам «денежных сборов и о всяких делах присматриваться». Большая часть патриарших вотчин со всеми податями и доходами и отошла в ведение этих губерний. Патриаршие вотчины находились в тогдашних губерниях: Московской, Петербургской, Архангелогородской, Казанской и Воронежской. Все вотчины, находившиеся в последних четырех губерниях, по табелям, составленным в «Ближней канцелярии», переданы были в ведение губернаторов и губернских канцелярий. Вследствие этого 385 дворов патриарших вотчин Кашинского уезда поступило в ведение Петербургской губернии; 151 двор Галичского и Двинского уездов — в управление Архангелогородской губернии; 1382 двора Нижегородского, 157 дворов Мурманского и 43 двора Корсунского уездов включены в состав Казанской губернии; в Воронежскую губернию зачислено 257 дворов Лебедянского и Елецкого уездов. Итого в ведение губерний отошло от патриарших вотчин 2386 дворов со всеми угодьями, промыслами, податями и доходами. Объем патриарших земельных владений ограничился лишь пределами тогдашней Московской губернии, в которой значилось 5405 дворов.

Но и в этих владениях происходила постоянная убыль дворов как вследствие бегства крестьян, убыли по рекрутской и другим

[22] М. Горчаков—указанное сочинение, стр. 373.

повинностям, так и вследствие продолжавшейся практики отчуждения их в другие руки. Весьма много сел и деревень доставалось любимцам и приближенным Петра, напр. Меньшикову, Курбатову, Прозоровскому, Алсуфьеву и др. Кроме того много селений из остатков патриарших вотчин раздавались в вечное владение разным служилым дворянам, обращались в поместья чиновников различных ликвидируемых патриарших приказов, отдавались в аренду разным лицам, даже «поганым еретикам» — иностранцам (инструкторам военным, корабельным, врачам и ремесленникам). Так в весьма короткое время, в течение каких-нибудь 13 лет по смерти патриарха Адриана, общая площадь патриарших земельных владений сократилась более чем наполовину. За ними осталось всего лишь 4338 дворов из прежнего количества около 10000 дворов. Но и эти владения перестали считаться частным имуществом патриаршей кафедры, а ими заведывал и управлял Монастырский приказ как государственным имуществом, и доходы с них поступали в полное распоряжение Мусина-Пушкина.

Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский вовсе был устранен от всякого заведывания патриаршим домом в отношениях хозяйственном, административном, финансовом и судебном. Без особого дозволения правительства он даже не имел права въезжать в патриаршие села и останавливаться там в сельских домах. Впрочем в 1702 г. именным указом ему дозволено было, «когда похочет быть в домовыя, дворцовыя подмосковныя села, в те домовыя села ездить невозбранно, и в реках про ево обиход, покамест будет в котором селе, рыбу ловить». Но брать с собою для своих потребностей рыбу, а тем паче входить в ведение и распоряжения по каким-либо вотчинным делам патриаршей кафедры ему не дано было права. И любопытно вместе с тем отметить, куда именно плыла теперь эта рыба из патриарших озер и рек. В течение 1701—1703 гг. начальник Монастырского приказа Мусин-Пушкин с необыкновенной щедростью рассылал рыбные припасы из патриарших погребов разным верхам дворянской знати, в особенности «светлейшему князю» Меньшикову, кабинет-секретарю Макарову и многим другим «птенцам гнезда Петрова». В указной книге Дворцового приказа под 5 августа 1702 г. записан, напр., приговор: «с патриарша двора из домовых погребов отпустить преображенского полка поручику А. Д-чу Меньшикову 10 белуг горбуш, что выбраны из мерных, 10 косяков хрящевых и отдать тое рыбу дому ево казначею Кузьме Ларионову, а сей указ записать в книгу, и об отпуске к сушиленному старцу послать указ». В той же книге записано: «из патриарших погребов отпустить астраханския, новыя присылки, паясной икры боярам: князь М. Алексеевичу Черкасскому, Льву К. Нарышкину, Т. Н. Стрешнев, князь Б. А. Голицыну, Ф. А. Головину, стольникам: князь Ф. Ю. Ромодановскому, И. И. Бутурлину, думному дворнику и печатнику И. М. Зотову по пуду человеку». И от самого царя Петра поступало много требований на различные припасы с патриарших погребов.

Так сокрушалась противоречившая тенденциям Петровской монархии идеология иерократического господства, идея, что священ-

ство есть выше царства, идея, сама бывшая порождением феодального духа церковной знати. Сокрушался самый корень этой идеи, тот экономический базис, на котором она возникла и упорно держалась. По крайней мере мы не видим уже со стороны местоблюстителя Стефана Яворского никаких действий и не слышим никаких слов от божественного писания, направленных на защиту этой якобы богом установленной теории иерократического господства. Самое уничтожение патриаршества, вскоре последовавшее, обошлось без какого-либо серьезного протеста со стороны духовного чина. Это показывает нам, что никакого внутреннего значения патриаршество не имело. Оно было сильно, поскольку лицо, воплощавшее его, владело богатейшими вотчинами и чувствовало под собою свою экономическую мощь. На этой чисто материальной базе создавалось его влияние, возникал его авторитет. В глазах народа это был вельможный вотчинник, сильный мира сего, крепостник. В глазах новых командующих классов это был отживший призрак феодальной реакции, представитель и носитель политических притязаний разбитого класса родовитых бояр. В глазах духовенства он был оплотом его феодальных привилегий и прав. И когда господствующие классы выбили из-под ног патриарха эту материальную базу, на которой зиждился его социальный вес, идея патриаршества перестала быть для различных классов тем, чем была она раньше. Без страха и риска возбудить массовые протесты мог Петр совершать теперь свои знаменитые «потехи», в которых подвергалась публичному осмеянию память об упраздняемом патриаршестве. Эти «потехи» были крайне разнообразны и оригинальны и о них стоит тут упомянуть.

Вскоре после ликвидации вотчинного имущества патриаршей кафедры Петр учредил «сумасброднейший, всешутейший и всепьяннейший» собор с «неусыпной обителью» шутов и дураков — пародия на патриарха и церковную знать. Это был целый организованный ритуал пьяных оргий, справлявшийся в виде мистерий Бахуса. Приближенные Петра и его любимцы составляли правильную коллегию жрецов, служившую Бахусу под главенством «патриарха» и состоявшую из разных «священных чинов» до «дьяконов» включительно. Первым таким «патриархом» был Матвей Нарышкин, «муж глупый, старый и пьяный», по словам современников, описавших эти «потехи». Вот как Корб описывает одно из подобных развлечений: «Особа, играющая роль патриарха, со всею труппою своего комического духовенства праздновала посвящение Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Шествие, назначенное по случаю этого обряда, выступило из дома полковника Лимы. Патриарха возводило весьма приличное облачение в сан первосвященника: митра его была жестяная, но на ней написан был Бахус на бочке, возбуждавший своею наготою страстные желания. Амур с Венерою украшали посох, чтобы показать, какой паствы был этот пастырь; также вместо панагии фляги глиняны надеваны были с колокольчиками; а вместо евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок с водкою. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вак-

ханалии: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие — сосуды с медом, иные фляги с пивом и водкой... Чубук был также на сцене при этом обряде. Театральный первенствующий жрец подавал чубуком знак одобрения достоинству приношения и благословлял присутствующих. Он употреблял для этого два чубука, накрест сложенные. Кто бы в самом деле подумал, — замечает Корб, — что изображение креста, драгоценнейшего символа нашего спасения, могло служить игрушкой»[23]. Куракин описывает и другой праздник во дворце, на котором осмеивался сан патриарха: «И во время дня вербного воскресенья также процессия после обеда отправлялась на потешном дворе. Оной патриарх шутошной был возим на верблюде в сад набережной к погребу фряжскому. И там, довольно напившись, разъезжались по домам... Оной же патриарх с рождества христова и во всю зиму до масляницы продолжал славленье по всем знатным дворам на Москве и в Слободе, и у знатных купцов с воспеванием обыкновенным церковным, и в тех домах приуготовливали столы полные с кушаньем, и, где прилучится, обедали все, а в других ужиновали, а в оных токмо пивали. И продолжалось каждый день до полуночи и разъезжались всегда веселы»[24].

После смерти Нарышкина «патриархом» стал учитель Петра Никита Зотов с титулом «князь-папы, всешутейшего отца Иоанникита, пресбургского, кокуйского и всеяузского патриарха». В 1715 г. с шумными потешными церемониями Петр женил «патриарха» Зотова на старухе Пашковой. При пушечной пальбе, звуках музыки и колокольном звоне всех церквей в Петропавловском соборе семидесятилетний Зотов и его шестидесятилетняя невеста, оба в церковных архиерейских облачениях, были повенчаны девяностолетним попом. Толпы народа сопровождали эту свадебную процессию со смехом и криками: «патриарх женился! патриарх женился! да здравствует патриарх с патриаршею!» Этот же Зотов в сане «всепьяннейшего патриарха» выступал во многих шутовских процессиях в полной одежде патриарха и даже рассылал по знатным домам остатков родовитой феодальной аристократии свои «послания», пародировавшие «Окружное послание» патриарха Адриана. Он же играл роль высмеиваемого патриарха в комических выступлениях, пародировавших старомосковский обряд «шествия на осляти», во время которого цари московские вели за узду осла, на котором восседал патриарх в качестве «образа христова». Зотов в патриарших одеждах садился на ряженую ослом лошадь, а Петр держал стремя его коня. Зотов вскоре умер от пьянства. Петр обратился к своему шутовскому кесарю Ромодановскому с письмом: «Великий государь, князь-кесарь! Известно вашему величеству, что отец ваш и богомолец, великий князь-папа, всешутейший Иоанникита от жития сего отыде и наш сумасброднейший собор остави безгласен. Того ради просим ваше величество призрети на вдовствующий престол избранием бахусоподражательного отца». Ромодановский наз-

---

[23] Дневник Корба, кн. IV, стр. 29.
[24] Дневник Куракина, т. I, стр. 58.

начил «всешутейшим патриархом» старика Бутурлина, а Петр женил его на вдовой «патриарше» Зотовой, отпраздновав их свадьбу с новыми шутовскими церемониями. Во время этих празднеств всешутейший патриарх вместе с другими лицами, изображавшими архиереев, переправлялись через Неву на плотах из бочек, связанных по две вместе и составлявших на известном расстоянии одна от другой шесть пар. На каждой бочке было поставлено по огромному ушату с водкой, а на каждом ушате сидел «архиерей». Впереди на бочках же пылал огромный котел с пивом, а в пиве плавал всешутейший патриарх, которого повертывал своим трезубцем Нептун, сидевший впереди котла. От пристани всешутейший патриарх ехал на буйволе, а архиереи с причтом — верхом на быках: все пьяные.

Эти многочисленные пародии и шутовские церемонии были в своей истинной сущности не «древней святыни ругание и посмешество вере», не осмеяние религии, веры, церкви, подрывавшее «основы государственного благополучия», за что Петр жестоко казнил и жег на огне всякого, кто осмеливался на это. Это было осмеяние феодального духа церкви, который стоял помехой на пути развития торгово-дворянской монархии. Все эти «потехи» диктовала Петру его меркантилистическая политика, которая была лишь естественным плодом того экономического развития России, на которое она вступила в XVII в. Сатира на отживший дух феодальных поползновений била не только по мишуре торжественной церковной обрядности, связанной с поддержанием в новом обществе феодальных пережитков, но и по семейным гнездам боярской аристократии, где прочно таился этот дух, враждебный новым классам. Так мы видим, что Петр со своими приближенными, «играя святки, в тех святках ругательство великое чинил знатным персонам и великим домам: людей толстых протаскивали сквозь стула; на многих платье дирали и оставляли нагишем, иных гузном заставляли яйца на лохани разбивать; иным свечи в проход забивали; иных на лед гузном сажали, иным в проход мехом надували, отчего один Мясной, думный дворянин, умер. Иным многие другие ругательства чинили, и сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуготовливалися, как бы к смерти»[25].

Так торжествующий абсолютизм торгово-дворянского класса загонял последний осиновый кол во все поры и щели, где гнездился еще феодальный быт, не имевший почвы в новых условиях; он крушил этот быт по всем линиям столь же немилостивно, как некогда опричники Ивана Грозного сокрушали экономическую мощь боярства.

Той же меркантилистической политикой Петра определялось и его отношение к монастырскому землевладению и к быту монастырских вотчинников. Впитавшие в себя колоссальное богатство как движимое, так и недвижимое, укрепившиеся в своей самостоятельности, отнимавшие у государства трудящихся людей — монастыри являлись большим тормозом для успешного развития про-

---

[25] **Дневник Корба, кн. IV, стр. 43.**

изводительных сил торгово-дворянской монархии Петра. И особенно напряженно и чувствительно этот тормоз стал действовать теперь, когда интересы господствующих классов требовали значительных людских контингентов и значительных денежных средств для ведения решающих войн за получение доступа к центрам мировой торговли. Поэтому вслед за уничтожением всех финансовых привилегий, которыми еще пользовались монастыри, Петр приступает к изданию целого ряда постановлений, в корне изменивших весь хозяйственный быт монастырских вотчинников. В указе 1701 г., объявленном Монастырскому приказу, говорилось: «В монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть, не ради разорения монастырей, но ради лучшего исполнения монашеского обещания; понеже... нынешние монахи не токмо нищих питаша от трудов своих, но сами чуждые труды поядаша, и начальные монахи в многие роскоши впадаша, а подначальных монахов в нужную пищу введоша и вотчин же ради свары, и смертные убивства, и неправые обиды многи твориша. И сея ради вины указал великий государь равное даяние учинити, яко начальным, токо и подначальным монахам, по 10 рублей денег, по 10 четвертей хлеба, и дрова в довольность их, а собирати с вотчин их всякие доходы в Монастырский приказ на вышеупомянутые монахам дачи»[26].

В основании этого указа, составляющего собою эпоху в истории отобрания церковного имущества, лежали, таким образом, два главных начала. Во-первых, запрещение монастырям владеть и управлять самим своими вотчинами и, во-вторых, назначение монахам определенного и единообразного жалованья вместо прежних громадных и различных по количеству доходов с недвижимых имуществ. Все монастырские и архиерейские вотчины поступили в полное ведение казны и перестали считаться владениями монастырей. Насколько монастыри ограничены были в праве владеть землями, можно видеть из следующего примера: власти Новинского монастыря в 1704 г. просили Монастырский приказ дать ему для дома сторожа место, поперек — 4 сажени, в длину 5 саженей, поросшее крапивой, между монастырским садом и огородом, потому что без указа они не смели занять места; для успеха же своей просьбы представили план монастырской усадьбы и различные объяснения того, что землю эту можно отдать без ущерба казне. В приказе состоялся приговор: «отмерять земли поперечнику 4 сажени, а длиннику против колодезного подворья 15 саженей и велеть сторожу поселиться двором, и имать оброчные деньги по указу»[27]. Точно так же все доходы с монастырских вотчин поступали в кассу Монастырского приказа; обратно же на содержание монастырей и монахов выдавались лишь самые ограниченные суммы, в сравнении с которыми прежние доходы представлялись

---

[26] Полное собрание законов и распоряжений по ведомству православного исповедания, т. I.

[27] М. Горчаков—указанное сочинение, стр. 523.

прямо «царскими». Эти 10 рублей и 10 четвертей хлеба взамен прежних неисчерпаемых богатств были строго определенной «указной дачей», которую не только не увеличивали, но вследствие беспорядков в делах Монастырского приказа даже не выдавали по целым годам. В 1705 г. «ради свейской войны» и табелью 1710 г. эта «указная дача» была еще уменьшена наполовину. Все «остатки» доходов поступали в «государеву казну» и шли на удовлетворение различных государственных потребностей.

Правда, с 1710 г. Монастырский приказ вследствие своего неуменья организовать хорошо управление монастырским хозяйством возвратил почти всем монастырям право ведать и управлять вотчинами и хозяйством, как «прежь сего ведали и управляли», но с тем, чтобы монастырские власти брали себе «зажилого и на церковные потребы, и на всякую починку» не более положенного табелью 1710 г. оклада; все же прочие денежные и хлебные доходы представляли попрежнему в распоряжение приказа и притом строго исполняли все предписания приказа по управлению хозяйством в вотчинах.

Таким образом, принцип перехода монастырских вотчинников на содержание государства оставался нерушимым, и в 1724 г. были изданы и утверждены определенные штаты, в которых точно и подробно определено количество как хлебного, так и денежного жалованья, которое надлежало выдавать монахам, монахиням и монастырским служителям. Под действие этого же принципа были подведены и все архиерейские дома. Вотчины архиереев на общем основании были переданы в ведение Монастырского приказа, а на содержание архиерейских домов стало выдаваться от правительства постоянное жалованье. Правда, общего о том закона не было издано, но все частные распоряжения Петра свидетельствуют о том, что правительство настойчиво проводило свою тенденцию приучить церковную знать к той мысли, что она отныне является лишь служилым чином в государстве, вознаграждаемым за свою службу из царского сундука. Так, в 1711 г. повелено было из доходов, доставляемых вотчинами Крутицкого архиерейского дома, «определить епископу на домовой его всякий расход, тако ж и домовым людям на жалованье по 1000 рублей на год... А за тем достальные деньги, также и всякие подати платить им в тех губерниях, где сколько надлежит без доимки» [28]. В следующем 1712 г. такая же мера принята была относительно Смоленского архиерейского дома; из денежных сборов с архиерейских вотчин велено было «имать ему, архиерею, себе и домовым служителям по 1500 рублей, а что сверх того тех денег будет сбираться, и те деньги отсылать в Смоленск в Приказную палату на расходы» [29]. Из одного указа 1712 же года видно, что еще в 1709 г. действие этого начала распространено было на Тверской архиерейский дом. Из другого указа, 1713 г., оказывается, что тот же порядок применен был и к Вологодскому архи-

---

[28] В. Милютин—указанное сочинение, „Чтения в Обществе истории и древностей российских", 1861 г., кн. I, стр. 216.

[29] Там же, стр. 218.

ерейскому дому. Следовательно можно определенно заключить, что высшая церковная иерархия, владевшая большими вотчинами, уже с 1701 г. окончательно теряет свою экономическую независимость и поступает на содержание правительства без права свободного распоряжения своими вотчинными доходами.

Лишив церковных вотчинников всех доходов с их недвижимых имений и обратив эти доходы в пользование государственной казны, Петр принял решительные меры и к ограничению людских контингентов, которые всасывали в себя монастыри. В связи с этим находиться его постановление о высылке из монастырей всех лиц, которые, укрываясь от государственных повинностей, жили там на положении монахов. В 1703 г. было постановлено: «На Москве и в городах изо всех монастырей... дьячков, и крылошан, и келейников, и монашеских детей, и свойственников бельцов, которые в тех монастырях и ныне налицо явятся, из тех монастырей всех выслать вон в старые места, тотчас без всякого мотчания и впредь их высланных и вновь иных бельцов никого отнюдь им, властям с братиею, не принимать; и буде кто за сим указом бельцов высланных попрежнему, а иных вновь кого в монастырь к себе примут, и им, властям с братиею, за ослушание сего указа быть в ссылках в дальних поморских монастырях и в заточении в крепких местах, невозвратно» [30].

В 1723 году была принята мера для уменьшения числа самих монахов: было переписано фактическое число монахов и приказано, «дабы отныне впредь отнюдь никого не постригать, а сколько из обретающегося ныне числа оных монахов и монахинь будет убывать, о том рапортовать повсямесячно, и на те убылые места определять отставных солдат» [31]. С той же целью пресечь поглощение живых тягловых сил Петр неоднократно издавал разные законы, ограничивавшие поступление в монастыри и запрещавшие строить вновь монастыри и пустыни. Кроме того некоторые из монастырей правительство превратило в богадельни для «отставных драгун и солдат престарелых, увечных и раненых», посадив их на полное денежное и хлебное монастырское довольствие; а часть женских монастырей сделало воспитательными домами для подкинутых младенцев, которых монахини обязывались содержать «в чистоте хорошей» и обучать грамоте.

Все подобного рода мероприятия естественно изменяли старую феодальную физиономию монастырей как отдельных замкнутых в своей хозяйственной жизни богатых вотчинников, разбивавших силы единой торгово-дворянской монархии. Вместо самостоятельных и экономически самодовлеющих центров они становились теперь в разряд общегосударственных учреждений, и самые задачи их и их деятельность строго согласовались с интересами господствующих классов. Наконец и все низшее, рядовое духовенство, стоявшее до того в непосредственной административной зависимо-

---

[30] Полное собрание законов и распоряжений по ведомству православного исповедания, т. I.

[31] Там же.

сти от архиереев-вотчинников, платившее им известные подати и пошлины за свою службу и избывавшее государственное тягло было притянуто к материальной службе государству и таким образом стало в разряд «государевых людей». Феодальная экономическая зависимость попов от своих «владык», которые раздавали им приходы как своего рода лены, прекращалась, и попы всеми правительственными мероприятиями ставились в тесную зависимость от светских чиновников, воевод, губернаторов и приказных, чтобы под их рукою преобразиться в действительную «правительственную команду» и стать надежной агентурой власти. Мы видим даже, как с этой целью полицейской муштровки духовного чина Петр часто возлагал на попов несение в городах и селах чисто полицейских обязанностей, напр. заставлял в городах ходить на караулы к рогаткам, являться на пожары для наведения «тишины и спокойствия», дежурить на съезжих дворах и в домах офицеров для посылок к колодникам и вообще «исполнять вкупе с гражданством по полицмейстерской инструкции все другие полицейские обязанности». Это была первая практическая школа поповской армии в самодержавной монархии царей Романовых.

Поставив попов в такой тесный контакт с органами полиции и отдав их на выучку к полицмейстеру, Петр скоро мог вручить им и более ответственные задачи «духовного надзора и благополучия» наряду с светскими полицейскими сыщиками и дозорщиками. Так в 1704 г. попам велено было наблюдать за повивальными бабками, не убивают ли они новорожденных уродов, и доносить о рождении этих уродов Монастырскому приказу; в следующем году на попов возложена была обязанность доносить под опасением штрафа об умерших от родов женщинах. Во время ревизии попы обязывались помогать переписчикам и поставлены были под тяжелую ответственность за каждую утаенную душу, а именно — за это назначалась им каторга с вырезанием ноздрей. С другой стороны, исчезла свобода от личных податей и повинностей государству, которой прежде пользовалось низшее духовенство. Все платежи, которые оно платило прежде своему вотчиннику, правительство Петра требовало вносить в государственную казну.

Но кроме прежних платежей низшее духовенство подвергалось при Петре еще многим новым повинностям. От сборов и податей не спасли теперь никакие старые жалованные грамоты, потерявшие всякую силу. Правительство обратило особенное внимание на множество поповичей, церковных, монастырских и архиерейских служителей и нашло их «избылыми» от службы и платежей. С 1705 г. начались так называемые «разборы» и для определения в службу и тягло. Негодных к военной службе велено было обложить «за государственную службу» особым сбором. В 1720 г. находим также известие о принудительном наборе по Белозерскому уезду всех поповских детей в возрасте от 15—20 лет для работ на оружейных и прочих Петровских заводах. По поводу этого набора сохранилась жалоба одного попа Григорьева, из которой видно, что подобные наборы производились без всяких послаблений. Григорьев жаловался на то, что за отказ представить двух своих сы-

новей его заключили в тюрьму и отписали в казну его дом и все его пожитки. Жалоба была оставлена без последствий, и новым указом принудительные наборы поповичей велено было продолжать неукоснительно. С самих попов «вместо государственной службы» установлена была в 1707 г. особая подать на войско драгунскими лошадьми как постоянная личная повинность вместо отбывания военной службы. «Пастырей своих духовных, — писал по этому поводу один церковник, — определили к таковому делу, которое перед всем светом всему нашему Российскому и закону христианскому на вечное поношение и поругание: «ты — пастырь церкви христовой, но будь и конюшим, а прочие чины духовные — конюхами, и вместо паствы овец христовых паси кобылы» [32]. Вскоре эта драгунская подать заменена была взносом определенного количества денег, которые собирались с духовного чина, не привыкшего к государственному тяглу, с помощью жестоких правежей. В 1708 г. два попа и дьякон одной подмонастырской слободы Троице-сергиевской лавры писали царю такую жалобу: «И стоим, государь, на правеже другую неделю, и бьют без пощады, и правят тех недоимочных денег 48 рублев».

Таким образом, мы видим, что положение всего духовного чина в эпоху Петра резко меняется. «Расходившаяся рука императора-меркантилиста» сокрушила церковно-монастырское землевладение в том виде, в каком оно существовало и в старину. Вследствие этого феодально-вотчинному быту церкви пришел конец. Старый уклад, предоставлявший церкви огромные экономические блага, широкие права и привилегии, исчезает. Из положения экономически независимых богатых земельных собственников, распоряжавшихся огромными доходами со своих недвижимых имений по своей полной воле, церковная верхушка попадает на скудное содержание Монастырского приказа, где всеми хозяйственными делами церкви вершил и всеми ее доходами ведал «боярин» Мусин-Пушкин «со товарищи». Из прежнего привилегированного сословия «владыки», настоятели, попы и монахи попали в ведомство губернаторов, воевод и прочих светских чиновных и военных людей, которые во всех церковных вотчинах стали учитывать свободные запасы хлеба, денег и меди, старые деньги, серебряную церковную утварь, привески у икон, свечную выручку и наполнять этим добром казенный царский сундук. Вместе с тем они производили сборы с духовного сословия самым беспощадным образом, невзирая на митру, на клобук и рясу. Из множества епархий по челобитьям попов и монахов поступали в центр донесения «владык», в которых писалось, что от приказных людей, дворян и военных всему духовному сословию «чинятся обиды», бьют их на правеже шелепами, «аки злодеев», плетьми, кнутами и палками, держат долгое время под караулом и т. п. До чего доходили иногда эти правежи, видно из жалобы одного протопопа, Тимофея Васильева, из которой

---

[32] П. Знаменский — Приходское духовенство после реформы Петра I. Казань 1883, стр. 284.

узнаем, что в вотчине этого протопопа в Шацком уезде взят был однажды на правеж некий поп Афанасий и что на этом правеже солдаты проломили ему голову и убили до смерти.

В общем ходе социально-экономического развития России все эти муки церковников были неизбежны и неотвратимы. В них умирала старая феодальная церковь — оплот отжившего мира, и нарождалась новая церковь — церковь дворянская, крепкий щит и твердая опора самодержавия помещиков и капиталистов.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ЦЕРКОВНИКОВ ПОД ФЛАГОМ ЗАЩИТЫ РЕЛИГИИ.

Мероприятия Петра, нанесшие могуществу церкви жестокие удары, не могли не вызвать со стороны церковников самого крайнего неудовольствия и не породить скрытых попыток вернуть назад свое положение крупных феодальных магнатов старого времени. Открытое выражение этого неудовольствия мы видим во всех слоях духовного сословия сверху донизу. Так, митрополит Нижегородский Исаия, когда приехал к нему поручик Тютчев для учета доходов архиерейского дома, крикнул на него: «Ты — овца; вам ли, овцам, про нас разыскивать? Боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божие, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные и венечные деньги отнимает; и если эти сборы от меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? И так вы пропадаете, как червей шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды; да и вперед, если не отстанете от неправд, шведы вас побьют» [33]. Монастырские власти говорили царским царедворцам, которые выгоняли из монастырских вотчин скот, вывозили оттуда хлеб и живность, а на все прочее имущество накладывали казенные печати: «Вы-де разоряете монашество, вы-де губите и искореняете святые обители, бог-де руками шведов покарает вас за сие святотатство». А приходское духовенство вело со своими прихожанами такие разговоры: «Бог знает, что у нас в царстве стало. Такие подати стали, что уму непостижимо, а теперь и до нашей братьи — священников дошло; начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги — этого наши прадеды и отцы не знали и не слыхали».

Точно так же и в кругу тех церковников, которые были приближены к Петру и считались его деятельными помощниками в преобразовании церкви, мы слышим однако открытое недовольство экономической политикой по отношению к церковно-монастырскому землевладению. Так, митрополит Дмитрий Ростовский в своих проповедях высказывал такие мысли: «На чем содержится лоза виноградная? На едином коле сухом и бесплодном, тем содержится. Отыми от винограда кол, лоза на землю падает и не плодствует, и в попрание бывает. Отыми от мира христианского чин иноческий,

[33] Соловьев—История России, т. XV, стр. 264.

яко сухой и неплодный кол, что мир будет?.. Сами судите»... «Хощеши ли грабити церковная? Спросися Илиодора, казначея царя сирийского Селевка, иже пришел бе в Иерусалим грабити церковь и биен бысть ангельскими руками»[34]. Сам местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский по поводу отобрания в казну церковных доходов и в частности церковной утвари приготовил к произнесению такую проповедь: «Ей, царю Валтасаре, что творишь? Сосуды то церковные, а ты их на пьянство употребляешь. Памятуй же, что тебе то не минется: выпьешь из тех сосудов горький полынь ярости божьей... Забылся я, что так дерзновенно глаголю истину, где истину не любят. Однакож не слушает того царь Валтасар; пьют нещадно сивач; кто не выпьет, штраф про здравие из сосудов церковных; все доброй мысли, все пьяны, все шумны и веселы. А ту нечаянно явится рука некая, пишущая приговор на смерть цареви. От тебе церковное добро куда пошло!»[35] И даже любимец Петра и его верный слуга, подхалимствующий епископ Феодосий Яновский, лично говорил Петру, что не одобряет отобрания имений и доходов у духовенства, ибо-де сам бог вручил их своим служителям и то, что принадлежит согласно воле божьей служителям церкви, никто отнимать не имеет права.

Перед нами прошел ряд лиц, которые могут служить типичными представителями церковной иерархии Петровского времени, и мы видим, что все они не могли простить Петру его решительных мероприятий по отношению к церковно-монастырскому землевладению и так или иначе высказывали это. Они не могли помириться с потерей всех своих исконных привилегий и вольностей, не могли так скоро забыть, что еще вчера владели они на правах полных собственников обширнейшими населенными территориями, изрядным числом закрепощенных за ними сельских тружеников.

По мере развертывавшегося наступления торгово-дворянской монархии на церковные феодальные крепости, сидевшие за ними рясофорные магнаты все более и более проникались недружелюбием, бессильной злобой и ненавистью ко всем реформам и «новшествам» Петровской эпохи, при всяком удобном случае оказывали свое противодействие проведению этих «новшеств», нередко в весьма осязательной форме, и наконец стали идеологическими вождями всех тех оппозиционных элементов, которые были недовольны политическим господством торгово-дворянских классов и вели с ними классовую борьбу.

Анализируя социальный состав этих оппозиционных элементов, мы видим среди них старую боярскую знать и посадские массы так называемых «черных» людей.

Боярская знать, та самая, которой Петр «свечи в проход забивал», все еще мечтала о реванше, желая спасти остатки своего былого величия от возраставшего могущества дворянского класса. Она не могла не чувствовать за церковью некоторой реальной силы, на которую можно было бы весьма удобно опереться в своей борь-

[34] И. Шляпкин—Дмитрий Ростовский и его время. СПБ 1891, стр. 18?
[35] А. Пыпин—История русской литературы, т. III. СПБ 1911, стр. 190.

бе с дворянским правительством. И так как ее интересы в данном случае вполне совпадали с интересами церковной знати, весьма «изобиженной» секуляризационными действиями правительства, то между боярством и духовенством был скоро заключен безмолвный союз, который поставил себе целью под прикрытием защиты религиозных интересов выступить против Петровской политики и какою бы то ни было ценою вернуть старые порядки.

Но церковная знать, в свою очередь, не видя в ничтожной кучке боярских фамилий никакой реальной силы, должна была искать более широких общественных кругов, на сочувствие которых можно было бы рассчитывать в своем противодействии Петровским «новшествам». Эти круги она нашла в посадских массах и в стрельцах и брошенными в них лозунгами защиты правой веры и «древлего благочестия» легко подняла их против Петровских преобразований, поведя их за собою, в защиту своих привилегий и своих вотчин.

В положении посадских масс было весьма много причин чисто экономического характера, которые толкали их на борьбу с господствующими классами Петровской монархии. Еще в XVII в. мы видим резкое расслоение посадского класса на крупную и мелкую буржуазию. Представители высшего слоя посадского класса, так называемые «гости» и члены гостиной и суконной сотен, заняли исключительно привилегированное положение. Они были освобождены от несения всяких видов государственного тягла и податей, падавших целиком на плечи «черного» посадского населения, которое, таким образом, сделалось источником для выкачивания всякого рода тягла, наполнявшего казну московского государства. Кроме тягла мелкому посадскому люду приходилось нести «бремена неудобоносимые» в виде разного рода обязательных служб, которые приводили их в «крайнее убожество» и даже разоряли целые слободы. В то же время дворянское правительство царя Алексея Михайловича крайне тяжело ударило по их торговым интересам. Уничтожив свободу торговой конкуренции, оно объявило торговлю всеми главнейшими предметами сбыта за границу царской монополией, передававшейся в руки немногих именитых «гостей». Благодаря предоставляемым широким льготам последние вместе с крупными иностранными капиталистами, опутавшими все московское государство целой сетью своих контор и агентов, завладели всеми торгами. Вследствие этого мелкая буржуазия была совершенно устранена от непосредственного участия во внешней торговле, в «немецком торге», и оттеснена на позиции мелкого ремесла и мелочной торговли ремесленного типа. Вот почему все эти мелкие торговые люди, лавочники, ремесленники, купцы, всецело зависевшие от крупного торгового капитала, находившиеся под гнетом «гостей», страдавшие от привилегий «английских немцев», обремененные податями и повинностями и разорявшиеся от бесчисленных поборов и злоупотреблений администрации, находились в далеко не завидном положении.

Еще в 1648 г. в своей челобитной царю посадские люди жаловались, что «в городах всякие люди обнищали и оскудели до конца

от твоих государевых воевод; а торговые люди, которые ездят г городам для своих торговых промыслов, от их же воеводского з держания и насильства в проездах торгов своих отбыли... и от т твоих государевых беспрестанных служб и сборов всякие тягл люди оскудели и обнищали до конца». «Немецкий торг», т. е. внеш няя торговля, и ее представители — «английские немцы», т. е. ин странцы, также давали посадской тяглой массе весьма частые обильные поводы для жалоб и недовольства дворянским прав тельством. Так, в одной челобитной мы читаем жалобу на то, ч «английские немцы» опутали все московское государство свои торговыми конторами, «завладели всеми торгами, которыми о (т. е. посадские люди) искони торговали», своею привилегирова ной торговлей «оголодили русскую землю», вывозя в Англию «вс кий харч и хлеб». Челобитная кончалась такой мольбой к цар «Воззри на нас, бедных, и не дай нам, природным твоим государ вым холопам и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и ск дости, не вели искони вечных наших промышленников у нас бе ных отнять». Таким образом, от «иноверцев» русский посад ожида для себя вечной нищеты» и «всеконечного разорения», что ест ственно возбуждало в посадской массе самую жгучую ненавис по отношению к ним. В эпоху Петра экономическое положение п садских масс еще более ухудшалось. Немудрено, что этой нен висти к иностранцам было уже вполне достаточно для того, чтоб эти массы отнеслись враждебно к Петровской политике, столь ш роко покровительствовавшей «английским немцам», и стали в я ную оппозицию ко всем преобразованиям и «новшествам» Петр

То же относится и к стрельцам, которые в сущности были те же посадскими людьми, но только на царской военной служб Набранные из небогатого городского населения, они в промежут между походами занимались торговлей, разными мелкими реме лами и таким образом почти сливались с остальной массой гра данского посадского населения. Они были «плоть от плоти и кос от кости того же самого «черного» посадского люда, который ст нал от гнета торгового капитала». С воцарением Петра их класс вые интересы были задеты самым чувствительным образом. В э именно время началось быстрое вытеснение стрелецких полков н выми полками «иноземного строя», в результате чего выходило, ч те же самые ненавистные «иноверцы» выбивали у них из-под н твердую социальную почву, привилегированное положение в кач стве «царских полков» и даже ставили под угрозу самую их служб в этих полках. Эти причины объясняют нам и ненависть стреле кой массы ко всяким вообще «новшествам», и приверженность к старине, и оппозицию их дворянскому правительству Петра.

В предшествующее столетие на этой почве классовых прот воречий посадской массы и торгово-дворянской монархии возни между прочим и церковный раскол. Уже в самом первом открыт выступлении этого посадского раскола зазвучали нотки тех самы лозунгов, которые продолжали быть боевыми и в продолжение вс го Петровского времени. Недовольство посада экономическим гн том определялось так: «установлена новая вера, велят кланятьс

болванам и носить немецкое платье, брить бороды, выдавать русских девушек за немцев». И посад не принял «новой веры» господствующих классов, выставив ей свою сильнейшую оппозицию в форме церковного раскола. Под догматическими спорами о «старой» и «новой» вере скрывались таким образом чисто экономические интересы, и классовая борьба между посадом и дворянством приняла форму религиозно-церковной борьбы. Церковная знать в то время стояла всецело на стороне дворянского, господствующего класса и по его приказу была первой застрельщицей в преследовании раскольников, предавая их анафеме и ведя их на казнь, пытки и сожжение. В эпоху Петра картина резко меняется. Теперь, лишенная своих феодальных привилегий и положения экономически независимого, богатого вотчинника, церковная знать была сама ущемлена в своих благородных чувствах. И она спешит воспользоваться оппозицией посадского класса, чтобы возвратить себе утраченное положение.

С этою целью церковь лицемерно протянула свою дружескую руку недавнему заклятому врагу—расколу, ибо на данном этапе классовой борьбы и в новой сложившейся обстановке интересы церковников сливались с интересами посадских людей. Первые лишались своих экономических привилегий, вторые давно были лишены их. Вот почему, уязвленная секуляризационными действиями Петровского правительства, церковь стала во главе этих оппозиционных элементов, ненавидевших «иноверцев» и «иноземные новшества», и нарочито выставила напоказ свою преданность «старой вере», старым обычаям, свою приверженность к «древлему благочестию» старой феодальной Руси. Вместе с остатками боярской знати она стремится поддержать недовольство посада Петровскими «новшествами» и разжигает в посадских кругах двух фанатизма, двух нетерпимости ко всем нововведениям, двух мученичества в крепком стоянии за старину. У церкви нечем было прикрыться против этого натиска правящих классов на ее феодальные крепости, немыслимо было прямо отстаивать свои позиции, ибо церковно-монастырское землевладение было ненавистно в равной мере и дворянам, и боярам, и посадским людям. Она при таких условиях непременно должна была перенести свою борьбу за экономические блага на чисто религиозную почву и, прикрывшись щитом веры, выдвинуть и раздуть лозунги стояния за «старую» веру охранения «древлего благочести».—вложить всю силу религиозного фанатизма в вопросы о брадобритии, курении табака, новом летоисчислении и т. п.

Смысл происходящих событий был затемнен именно тем обстоятельством, что идеологическое оформление оппозиционным настроениям давала церковь, заинтересованная в сохранении своих земных благ. На сцену выступило два действующих персонажа: с одной стороны — царь, гонитель и разоритель божественных законов, разрушитель уставов и правил древнеотеческого православия, а с другой стороны — церковь защитница этих законов и этого православия. При таких условиях церковь сделалась важной силой в руках феодальной реакции. Она становилась организованным центром, вокруг которого объединялись все недовольные дворян-

ским правительством классы и который указывал этим класса одно объединяющее их началю, один общий возбуждающий стиму для ожесточенной борьбы за свои классовые интересы. Все дела лось во имя защиты веры и церкви, во имя охранения «древле благочестия».

Петра называли нечестивцем, подрывающим все священны основы общества, а его действия—объявляли «кознями дьявола» «врага рода человеческого», задумавшего погубить святыню хри стианскую — православие. У церковной верхушки, задававшей то общему недовольству, весьма скоро стали прорываться в пропов дях чисто истерические нотки ядовитого осуждения Петра, «яко гонителя и разорителя веры». В состоянии крайнего раздражени за конфискацию доходов, разгром вотчин патриаршей кафедр изъятие церковных ценностей и устранение от бесконтрольног управления церковными имениями, смиренные витии стали громит «нечестивца» с церковных амвонов; иносказательно и осторожн но понятными для всех намеками стали распространяться про ист рию Ирода, убившего предтечу Иоанна за смелое обличение в неч стии, про царя-иконоборца, про «мужа прелюбодейного», преступив шего закон христов, друга лютеран и поганых еретиков, нарушите ля постов и церковных обрядов. Сам местоблюститель патриарше престола, Стефан Яворский разразился однажды проповедью, в ко торой говорили, что бедствия, постигающие Россию,—войны, мор голод,—посылаются в наказание за бесчисленные и великие грех «человека законопреступного», который «ломает, сокрушает и ра зоряет закон божий». Другой «смиренный владыка», митрополи ростовский Дмитрий, канонизированный церковниками как «свя той», не менее усердно стремился в своих проповедях представи Петра—«похитителя прав церковных»—богоотступником. Он уж вовсе не иносказательно нападает на «царя, преступившего господ ню заповедь», и при этом, возжигая религиозный фанатизм посад ской массы, ловко бросает в толпу слушателей слова, долженство вавшие укрепить дух «стояния за веру». Намекая на правящу дворянскую знать и богатых «гостей», захвативших в свои рук всю торговлю в стране, он говорит, что есть, мол, «многие господа которые немилостиво поядают и пьют кровавые труды человеч ские, а бедных христиан немилосердно мучат: снедают людей вме сто хлеба. Господам этим до пресыщения всего довольно есть, христианам бедным и укруха хлеба худого не стает. Сии объеда ются, а тии разве водою жажду свою утоляют; сии веселятся, а тии плачут на правежах»[36].

Так, облекая недовольство посадских людей в форму религиоз ного фанатизма, церковники под прикрытием высоких лозунго защиты веры и христианского закона становятся идеологически вождями главной оппозиционной массы Петровскому режиму. По этим прикрытием они сами вступают в круг оппозиции и развиваю напряженную антиправительственную деятельность, направлен ную к возврату старого порядка вещей, при котором были они н

[36] И. Шляпкин—указанное сочинение, стр. 89.

положении независимых богатых земельных собственников. Религиозный интерес в их руках ловко обращается, таким образом, в политическое орудие против «обидящих церкви божия», а инсценировка фанатизма делается главным двигателем оппозиционных настроений, которые они используют для защиты их вотчинных привилегий. Защита веры и «древлего благочестия» была только маской, которую изобиженная церковная знать надела только для того, чтобы войти в тесный контакт со староверческим церковным расколом и, воспользовавшись этим давним социальным движением, успешнее провести защиту своих земельных прав от посягательства дворянского правительства. Отсюда ее боевой лозунг охраны «древлего благочестия».

Эго «благочестие» они понимали весьма своеобразно. Для них благочестием было лишь то, что утвердилось непоколебимо в их сознании давно, испокон веков, от старых традиций феодального быта и что теперь разрушалось и гибло под неотвратимым действием новых экономических факторов. Это было благочестие крупного земельного магната, чувствовавшего себя весьма приятно среди своих владетельных княжеств. Это было благочестие во славу собственного кармана, и расставаться с таким благочестием церкви, понятно, никак не хотелось. Только в этом весь смысл церковной пропаганды, в которой все сводилось к тому, что Петр — «разрушитель и гонитель веры».

На самом деле решительно всем церковникам было хорошо известно, что ославленный ими «разрушитель и гонитель веры» был даже лучшим защитником веры и церкви, чем они. Сам он всегда старался показать, что строго соблюдает все церковные обряды, посты, и часто ходил в церковь, где сам читал и пел на клиросе. Строгого соблюдения всех правил христианского вероучения он требовал и от своих верноподданных, «яко истинный блюститель веры христианския и почитатель церкви». Узнав, что один из его чиновников вольно отзывался о вере и иронизировал над «св. писанием», он сказал: «Как же ты осмеливаешься ослаблять такую струну, которая составляет гармонию всего тона?... Я тебя научу, как должно почитать оное (св. писание) и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей» и, ударив, прибавил: «Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству: не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы был врагом общества и церкви» [37]. И мы знаем, как жестоко преследовал Петр всех «еретиков» и «вольнодумцев», хуливших православную церковь. Таких он без сожаления казнил, предавая сожжению, или, как тогда выражались, «копчению на огне». Все это ясно свидетельствует, что никакими «разрушителем веры» и гонителем церкви Петр никогда не был. Но он покусился на церковное достояние и лишил церковников их огромнейших доходов. И это его единственное мероприятие вдруг превратило его в «нечестивого гонителя веры», так как противодействующей этому мероприятию церковной знати, не желавшей отказываться от своих вотчинных при-

[37] И. Голиков—Деяния Петра Великого, т. IV, стр. 39.

вилегий, было чрезвычайно выгодно среди бурлившего классов недовольства посадских масс перетянуть дело на старую догмати обрядовую почву, под знаком которой протекала оппозиция поса и они поэтому поспешили обнаружить в деятельности Петра бо отступничество и ересь, чтобы так прикрыть свои истинные ст мления и вожделения...

Уже в самом начале царствования Петра, когда ясно обна жилось его отрицательное отношение к феодальным привилеги церкви, интриги духовенства сосредоточились на том, чтобы р жечь религиозный фанатизм стрельцов и, инсценируя необхо мость крепкого стояния за правую веру, якобы гибнувшую от е тиков-иноземцев, при помощи этого лозунга поднять их для вн реннего политического переворота в пользу феодальной реакц Стрельцам внушили, что Петр, бывший в это время за границей, своем возвращении совсем отменит их древнюю веру, их благочес вые обычаи, введет свою «немецкую веру» и их самих сделает н цами. «Духовные, — по словам современного Петру исто ка, — всеми силами проводили такие внушения и криком об оп ности церкви производили чрезвычайное волнение между суев ным народом, которое старались еще увеличить мнимыми явлен ями, видениями и чудесами»[38]. Возбуждая стрельцов, попы и мо хи произносили зажигательные проповеди о «разорителе закон и «погубителе веры», воспламеняли фанатическую ревность к св щенной старине и всюду распространяли всеобщую злобу и ожес чение к «новшествам». Они предводительствовали отрядами стре цов с крестами в руках, служили молебны, носили иконы и свят воду. Они распространяли в стрелецких полках свои агитацион письма, мнимочудотворные образа, сеяли повсюду грозные пред зания и возбуждали стрельцов к страданиям и мученической см ти за якобы гибнущее православие. Все было построено на инте сах религии, на заботах о благе церкви. Стрельцы призывал очистить отечество от «мерзости иноземцев», избавить Москву еретических соблазнов, а между тем тайные сокровенные нити ст лецкого восстания приводят нас в покои феодальной боярской з ти, и сам главный вождь этой феодальной реакции, патриарх А риан, приказывая своей сподручной братии возбуждать стрел кую массу во имя защиты веры, в то же время деятельно сноси с главнейшими заговорщиками из среды боярства, которые за рили его, что в случае успешного осуществления политического реворота будет немедленно подтверждена полная нерушимость в исстаринных земельных прав и привилегий церкви. Когда при м совой жестокой казни стрельцов, сложивших свои головы за чу дые им интересы боярства и церкви, патриарх Адриан вздум «печаловаться» о казнимых и явился на площадь, где совершал казни, с иконой в руках, то даже привыкший ко всему Петр мог стерпеть такого иезуитизма и в резких выражениях прог вон лицемерного старика: «Разве твое дело здесь быть? Уходи поставь свою икону на должное место».

[38] И. Голиков—указанное сочинение, т. VI, стр. 45.

В дальнейшем развитии политической оппозиции церковников секуляризационным мероприятиям Петра приобретает важное значение вопрос о брадобритии. Эта «немецкая мода», которую вводил Петр, послужила для церковников великолепным поводом для утверждения и распространения в посадских массах своего оппозиционного лозунга — «стояния за старину и древлее благочестие». Мы видим, что еще патриарх Адриан настойчиво «уцепился за бороду» и в своем окружном послании, где так ярко подчеркнута была никоновская теория иерократического господства, он посвятил целую (15-ю) статью почти исключительно убеждению православных не брить своих бород с угрозами церковного проклятия за принятие этого «злого еретического обычая». «Воины всякого чипа, начальствующие и начальствуемые! — писал Адриан. — Отрините от себя злый обычай, еже брады брити и подстризати, сие бо еретический есть обычай: православным же христианам не подобает сего творити и божию заповеднию противитися». Ибо сам-де христос был с бородой, и подобно ему носили бороду все святые апостолы, великие пророки, преподобные отцы, благочестивые цари. Все они носили бороду и свято хранили ее, как богом дарованное украшение. «И по общем всенародном воскресении восстанут вси такови, якови создашася от бога, совершении мужи с целыми и неподстризанными, ниже выбритыми брадами. О, пребезаконницы! кое благообразие в безобразии сем мнится быти вам, еже выбрившим брады, оставляти токмо усы, сице бо сотвори бог не человеки, но кошки и псы, оставя им, без брад сущим, едины усы прилично... слышите брадобрийцы! Аще есте православные церкви синове суще, обаче уклонитеся самовольно брадобритием вашим в часть еретиков и злодеев, их же часть в озере огненном. Взирайте часто на икону страшного христова пришествия второго и видите, что праведний, в десней стране христа стоящие, все имут брады, на шуйце же стоящие бессермены и еретики лютеры и поляки и иные подобные им брадобритники, точию имущие едины усы, яко имут коты и псы, и внемлите вы, кому подобны себе творите и в коей части написуетеся... Проклято бы сие блуднозрелищное неистовство от прежде нас бывших архиереев, святейших патриархов им, и мы согласуем и таяжде устанавляем и подтверждаем... Сих ради всех не подобает вам православным христианам сущим отнюдь приимати еретического сего и злодейского знамения, но удалятися от него, яко от некия мерзости, а брадобрийцам, не кающимся и от того не преставши, не подобает по установлению соборному благословение священническое подаяти, но подобает вход церковный таковым возбраняти и святых таин причищения лишати и от общения с православными христианами отлучати»[39]. Так изощрялся в своем пасторском красноречии последний представитель феодально-вотчинного быта русской церкви.

На самом деле эти грозные филиппики — далеко не плод маркобесия и нелепого обрядоверия церковников. За этой бородой скрывался целый мир самых реальных интересов и пережива-

[39] Г. Есипов — Раскольничьи дела XVIII столетия, т. I. СПБ, 1863, приложение.

ний чисто земного, «грешного», житейского порядка. За нею стоя: старомосковская церковь, стоял церковный феодализм со всеми с привилегиями, собственническими инстинктами и вожделениям богатого вотчинника. И только поэтому борода сделалась «мерило праведным» их православия и непременным признаком их церко ного превосходства « над лютерами и прочими еретиками». Толь поэтому она стала «знамением веры христовой», по которому це ковь отличала врагов от друзей в своей упорной борьбе за сохран ние своих вотчинных прав. В брадобритии они усмотрели ересь прокляли этот обычай только потому, что вместе с ним стихийн внедрялся в социально-экономическую жизнь новый уклад, разр шавший феодальное величие церковной жизни. Это очень хитр люди, говорящие не прямо, прячущие то, что их может скомпром тировать в глазах верующих, и выдвигающие на первый план инт ресы религии там, где дело идет об их экономическом благополучи Так легче всего одурманивать народ и вести его за собою для д стижения своих личных целей. Проклятия и анафемы брадобри цам станут вполне понятны, если видеть в них лишь тактическ прием, рассчитанный на возбуждение фанатизма в кругах поса ских людей, на которых опиралась феодальная реакция в сво политической борьбе с торгово-дворянским режимом.

Окружное послание патриарха Адриана в рукописных списка распространялось монахами среди верующих во множестве. Нему рено, что не только раскольники, но и другие посадские, принад жавшие к официальной, господствующей церкви, смотрели на э послание как на предсмертный завет «первосвятителя» «стоять последнего» за бороду. Люди решались итти на пытки и истязани на мучения и добровольную смерть. Оппозиционные настроени росли и крепли и выливались в открытые протесты, доходивши до желания самопожертвования для блага церкви и утверждени правой веры. Так, в 1704 г. караульный солдат привел в Преобр женский приказ (охранное отделение Петровского времени) нижег родского посадского человека, простого ремесленника, Андрея Ив нова, который сказал за собою «слово и дело», т. е. объявил, ч хочет сделать важный донос по политическому делу. На допро он говорил: «Государево дело за мною такое: пришел я извещал государю, что он разрушает веру христианскую, велит бород брить и платье носить немецкое. О брадобритии, — говорил Ив нов, — писано в Уложении соборном, а про платье написано: к станет иноземное платье носить, тот будет проклят, а где про написано, того я не знаю, потому что грамоте не умею. А приш он о том извещать собою, потому что и у них в Нижнем люди мн гие бороды бреют и немецкое платье носят, и потому для облич ния он, Андрей, и пришел... Кроме того за ним, Андреем, иного г сударева дела нет»[40].

Даже главный палач Петра, Ромодановский, был чрезвычайн поражен, когда простой и неграмотный посадский человек объ вил ему, что пришел изоблачать самого Петра в разрушении вер

[40] Г. Есипов—указанное сочинение, стр. 113.

христианской. Какой глубочайший фанатизм и какую непреклонную волю к самопожертвованию «за веру христову» нужно было иметь, чтобы явиться в то время перед жестоким кровавым палачом Ромодановским с подобным обличением Петра! Кто же внушил, кто разжег в этом темном, неграмотном человеке такой фанатизм и такую ненависть? Несомненно церковники читали ему окружное послание патриарха Адриана с проклятиями и угрозами брадобрийцам, и нижегородский посадский человек решился лучше итти на истязание, чем предать на поругание «веру христианскую».

Еще так недавно, в царствование Алексея, такие «черные» люди вместе с крестьянами бежали без оглядки от гнета господствующих классов и массами приставали к буйным ватагам Степана Тимофеевича Разина, в своих ожесточенных действиях сбрасывая с высоких церковных колоколен архиепископов и епископов наравне с боярами и помещиками. Нужно было следовательно возглавить оппозиционные настроения иными лозунгами, в которых стушевывались бы чувства классовой ненависти угнетенного люда и закрывались бы от масс истинные цели церковных домоганий. На помощь приходила религия и вера. Вот почему разжигается нарочито этот религиозный фанатизм, дух мученичества в стоянии за старину.

Вместе с тем, выдвигая вперед тяжелую артиллерию защиты старой веры, церковь смыкалась с расколом, этим широким социальным движением посада против всех «новшеств» торгово-дворянской монархии. Правда, она ранее предала интересы посадской торговой массы в угоду монархии. Но теперь она всецело освящала их политический символ веры и сделала его своим орудием для противодействия Петровским реформам. Поэтому весьма трудно отличить в первую половину царствования Петра «раскольщика» от правоверного в отношении их политического поведения. Подметное письмо «раскольщика» Докунина, найденное в Петербурге в 1718 г., ясно обнаруживает перед нами настроение посадского раскола в эпоху Петра. Докунин жалуется на уничтожение последних остатков слободской свободы, на торжество фискальной системы и окончательное разорение купечества, между тем как иностранцы пользуются почетом, а «поганая мода» входит в обычай. «Древеса самые нужные в делах наших, — жалуется Докунин, — повсюду заповеданы быша, рыбные ловли и торговые и завоцкие промыслы отняты, многие и везде бедами погружаемы, на правежах стоят от великих и несносных податей... и многие от того умерщвляемы... Пришельцов иноверных языков щедро и благоутробно за сыновление себе восприяли и всеми благами их наградили, а христиан бедных, бьючи на правежах и с податей своих гладом поморили и до основания всех разорили и отечество наше пресловущие грады опустошили... градских древле установленных своих законов лишились... и в лестных учениях обычай свой изменили... и платья переменили, главы и брады обрили и персоны своя ругательством обесчестили; несть в нас вида и разнствия с иноверными языки, последуем их нравам и обычаям» [41].

[41] Г. Есипов — указанное сочинение, приложение.

Точно такое же настроение слышится нам и из уст церковн ков. Так, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворск открывает настоящий «крестовый поход» против «иноверцев «Виждите, о благоразумнии людие, — вазглашает он с церковн кафедры,—виждь, православный народ, как между вами расп страняются, величаются и почествуемы бывают... о, дабы отсечен были развращающие вас!.. аз же глаголю, о, дабы сии мытари язычницы, разрещающии православных, отсечены и весьма истр блены были!.. Приидите, припадаем и восплачем предо господем пр клоним колена перед всеми его угодниками святыми, да сей вр сии богохульные плевелы исторгнутся от нас» [42] и не искушенно в хитросплетенных словах «святителя» наивному слушателю ка лось на самом деле, что тот плачет и убивается единственно о ч стоте православия, которому якобы угрожает опасность от наш ствия иноплеменников. Но в действительности он здесь прикрыва господом богом и всеми святыми угодниками свою скорбь об ис зающем церковном вотчинновладении. Он искусно вуалирует за той о сохранении православия ту основу своего неудовольстви «мытарями и язычниками», которую письмо Докунина выража на простом и реальном языке: «рыбные ловли, и завоцкие пром слы отняты». Отсюда плач и скрежет зубовный как у «раскол щиков», так и у церковной знати. Их интересы одинаково нарушен дворянским правительством, и они подают друг другу руки в свое оппозиции этому правительству.

Так на почве экономической вполне оформлялось идеологи ское единение церковной знати с теми, которых она на почве дог тической отметала далеко от себя. Это показывает нам, пасколь мало значения имела церковная догматика и различия церковн учений тогда, когда появлялась общая угроза экономическому бл гополучию ревностных догматических спорщиков, и, напротив, к кое великое значение приобретали самые догматические споры том или другом церковном вопросе, когда за ними скрывался эк номический интерес.

Точно так же и проповедь церковного раскола о пришестви мир антихриста и о последних временах, проповедь, бывшая от жением экономического гнета, который тяжело ложился на пле посадских людей, была весьма сочувственно воспринята больши ством церковной знати и с ее благословения применена к Петру пущена в широкий обиход. Так, тамбовский епископ Игнатий пр слал одному из «сопротивников» Петра некоему Григорию Тали кому пять рублей «на общее дело» за написание противогосуда ственных «тетрадок», в которых на основании «священного п сания» доказывалось, что Петр есть «истинный антихрист». Эт Талицкий в своих «тетрадках» запрещен народу слушать «ант христа», платить ему подати и советовал обращаться к кня Михаилу Черкасскому, через которого будет народу «нечто добро Игнатий, приехав в Москву, велел призвать к себе Талицкого

[42] Ю. Самарин—Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедни М. 1844, стр. 93.

говорил ему: «Видим мы и сами, что худо делается, да что мне делать, я немощен». И когда Талицкий читал ему написанное в «тетрадках», то он плакал от умиления и, взявши «тетрадки», поцеловал их, а потом со словами: «Павловы-де твои уста!» обнял и поцеловал самого Талицкого.

Монахи особенно деятельно поддерживали эту пропаганду о Петре-антихристе. Они соперничали друг с другом, вымышляя «чудеса» и создавая различные видения, «знамения на небесах» и пророчества в доказательство того, что, мол, пришли последние времена и явился уже сам антихрист. Облекая в религиозную, мистическую форму народное недовольство гнетом помещичьего режима, они, не переставая, распускали повсюду ловко сложенные всевозможные басни. «Государь-де ездил за море, возлюбил веру немецкую, принял образ антихриста, будет то, что станут по средам и пятницам белицы и старцы есть молоко... да вот уже и на бога наступил: от церквей колокола снимает». «В миру у нас ныне стало тяжело... в книгах писано, что при антихристе людям будут великие тяжести и ныне миру очень тяжко стало, того и жди, что от бога станут отвращать». «Слышно, что уже великого поста неделя убавлена и после светлого воскресенья и фоминой недели учнут меж говенья в среды и пятки мясо и млеко есть во весь год». «Он поста никакого не имеет, он немец, льстец, антихрист, от нечистыя девицы рожден... Писано о нем в книге валаамских чудотворцев и что он головою запрометывает и ногою запинается, и то его нечистый дух ломает». «Он невенчанный, непомазанный, он одержим бесом... Бороду бреет, оделся в короткое платье, звериный образ принял и носит кудры собачьи. Антихрист, антихрист сидит на престоле» [43]. Эти зажигательные проповеди, которые исходили впервые из потревоженных Петром «тихих келий», варьировались без конца и на почве экономического гнета и невыносимого положения низших классов общества утверждались в сознании масс, соединяясь в одно общее определение Петра: он — антихрист и губитель святой веры.

Самые церкви и «обители» служили деятельными местами пропаганды, которая стремилась закрыть от масс истинные причины их несносного положения и внедрить в их одурманенное сознание лозунги, делавшие церковь якобы спасительницей и избавительницей народа от ожидавшей его гибели. Так, некий монах Левин во время богослужения в церкви села Конопати стал вдруг кричать с клироса собравшимся: «Послушайте, православные христиане! Слушайте! ныне у нас преставление света скоро будет... царь-антихрист ныне загнал весь народ в Москву и весь его погубит»! [44] В то же время подпольная противоправительственная литература церковников о «губителе» веры и «антихристе-царе» работала неустанно.

К сожалению, до нас не дошли сочинения этого рода. Они, как противогосударственные, были строго преследуемы и поэтому уничтожались. Но, судя по некоторым указаниям, подобная оппозици-

---

[43] А. Брикнер—История Петра Великого, т. I, гл. VI. СПБ, 1892.
[44] Г. Есипов—указанное сочинение, стр. 73.

онная литература церковников фабриковалась целыми пачками. От 1701 г. мы имеем даже распоряжение Петра, чтобы «монахам никаких по кельям писем под жестоким наказанием на теле не писать, чернил и бумаги не держать и того над монахи прилежно надзирать, понеже ничто тако монашеского безмолвия не нарушает, как суетные их и тщетные письма». Точно так же по приказу Петра сам синод указом от 20 марта 1721 г. должен был издать распоряжение, чтобы «обретающиеся в Москве на Спасском мосту и в других местах листы разных изображений... и каноны и молитвы, которые сочиняются самовольно, письменные и печатные без свидетельства и позволения, описав, отобрать». На основании этих данных можно с уверенностью заключить, что подпольная церковническая литература, квалифицировавшая Петра не только изменником церкви, но и антихристом, выпускалась во множестве и была в то время весьма ходкой. Современник Петра историк Голиков прямо замечает, что когда вышел первый указ Петра об устранении церковников от управления их вотчинами, то это распоряжение «сильно возмутило худых монахов, везде слышен был ропот их; появились подметные печатные письма, в которых на основании пророчеств выводилось, что сей государь есть антихрист и они стали возбуждать против его величества народ к бунту».

Замечательно, что эта эпоха представляет также и чрезвычайное обилие всякого рода «чудес», «знамений» небесных видений, обновлений икон, чудесных колокольных звонов и тому подобных фабрикаций церковников, неизменно приобретавших явно оппозиционный характер и имевших целью разжечь религиозный фанатизм суеверной массы, чтобы пользоваться этим фанатизмом в целях противодействия конфискации вотчинных доходов. Вот почему подобные фабрикации, как противоправительственные, преследовались Петром с необычайной жестокостью, совершенно одинаково с политическими преступлениями. Так, в 1721 г. в Новгороде один дьячок, «по наущению свыше», объявил, что в сонном видении явились ему два архиерея, несколько бояр и образ Тихвинской богородицы, которая якобы говорила, что пришли последние времена, а потому приглашала верующих петь перед ее образом молебны и крепко стоять за веру, слушаясь своих «отцов духовных». Ночью поп с дьячком так накадили в церкви, что поутру, когда разгласили о «чуде», верующие нашли ее полной «благоухания», что и приводили в доказательство «чуда». За этот шантаж, носивший явно противоправительственный характер, дьячка приговорили «в Новгороде, при той церкви, в которой он затейно чудо учинил, для показания всем тамошним обывателям сжечь» — и сожгли. В 1722 г. один черниговский поп за разглашение «чуда» о явлении на небе руки некоей, пишущей приговор нечестивым хулителям веры и закона, был расстрижен, нещадно бит кнутом и сослан на каторгу; вместе с ним биты кнутом и несколько других церковников — свидетелей «чуда». Черниговский архиерей за свое сочувствие делу и поддержку в разглашении «чуда» должен был заплатить штраф в 1.000 руб. Множество следственных дел Преображенского приказа, сохранившихся до нашего времени, свидетель-

ствует о том, что представители церкви от архиерея и до дьячка при помощи религии явно политиканствовали и учиняли всякие противодействия церковной реформе Петра. Фанатические защитники своих имений и доходов мало разбирались в средствах для охранения уплывавших из-под их ведения огромных богатств. Только за то, что Петр в силу неотвратимого хода социально-экономического развития Московского государства ощутительно ударил по феодальным крепостям церковно-монастырского вотчинного быта только за это их «благочестивейший и самодержавнейший император Всероссийский» получал у них, якобы по невежеству, кличку «императёра», как поминал Петра на ектении один поп. «Прямой «имперетер — пояснял он народу, — немало людей он перетер». Помазанник божий стал теперь в их глазах антихристом и проклятым немцем, грабителем и разорителем, похитившим церковное достояние.

Этот взрыв страстей духовного чина, всегда покорного и льстивого, угодливого и пресмыкающегося перед властью, наделявшей его за верную службу всеми благами мира сего, был стихийно молниеносен и быстро исчез как последняя вспышка отмиравшего церковного феодализма. Весьма скоро церковники приспособились к новой социальной обстановке, весьма скоро господствующие классы вновь постарались поставить их в привилегированное положение, наделяя чинами, орденами, жалованьем, поместьями и немалым количеством крепостных душ. Это была уже новая церковь, вновь организованный помещиками и капиталистами церковный аппарат, которому они могли поручить уже важную роль «высокой цивилизующей силы», т. е. поручить руководящую роль в организации эксплоатации трудящихся.

Но в этот переходной период, перед завершением перестройки на новых началах церковной организации, в этот период ломки старых организационных форм церковного быта стихийно выступили из берегов исстаринные аппетиты крупного земельного магната, и разбушевались его алчные вожделения, которые и толкнули церковную знать в оппозицию Петровской монархии и заставили ее поносить своего помазанника. «Гнев божий» за секуляризацию их доходов должен был снизойти на Петра и удовлетворить разыгравшиеся страсти земельных магнатов, выбитых Петровской рукой из своих насиженных вотчинных гнезд.

Но что это за «гнев божий»? Так называли они заговор кучки реакционной феодальной знати, Петровского правительства, в этом заговоре они играли весьма важную роль.

Заговор сгруппировался вокруг сына Петра, царевича Алексея, и заточенной в монастырь жены Петра Евдокии Лопухиной. Алексей был реальным воплощением этого «гнева божия». Он был надеждой всей феодальной реакции, которая, пользуясь его слабоумием, сделала из него орудие для достижения своих политических стремлений и с этой целью организовала вокруг его личности огромный заговор против Петра. Мы знаем теперь положительно, что уже весьма рано, когда царевичу Алексею было всего 14 лет, вокруг его имени уже группировалась партия родовитых бояр

высшей церковной иерархии, имевшей вполне антиправительств
ный, заговорщический характер: были частые тайные свидан
употреблялся условный язык, шифрованная переписка, соблю
лась крайняя конспиративность и была налажена через попо
монахов тайная связь с Суздальским монастырем, где находил
в заточении Евдокия Лопухина. В то же время происходили част
шумные пирушки, во время которых обсуждались планы д
ствий.

И тут на первое место обреченная на исчезновение боярс
знать выдвинула церковников и возложила на них главней
роль в подготовке политического переворота. Слабоумный Алек
окруженный попами и монахами, имевшими на него огромное в
яние, главным образом им был обязан своим упорным нера
ложением к политике Петра и таким образом легко был втяну
заговор. «Они, — говорил Алексей на допросе, — видя мою ск
ность ни к чему иному, только чтобы ханжить и конверсацию им
с попами и чернцами и к ним часто ездить и подпивать, в том
не только не претили, но и сами со мною тож охотно делали. А
неже они от младенчества моего при мне были и я обыкл их с
шаться и бояться и всегда им угодное делать, а они меня бол
отводили от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавам
помалу не токмо дела воинские и прочие отца моего дела, а и
мая особа его зело мне омерзела»[45].

Особенно сильное влияние на Алексея имел духовник его п
Яков Игнатьев, который внушал ему, чтобы он его, попа, «за
гела божия почитал, и за апостола имел, и за судию дел своих и
всем его слушал». Этот поп по приказам заговорщиков нароч
питал в Алексее вражду к Петру и ко всем вводимым новым о
чаям, а на исповеди настоятельно уговаривал, чтобы он «поже
смерти отцу своему, как и мы все желаем ему смерти», и говор
что такова-де воля божья и что сам господь бог сделал его, ц
вича, «надеждою российской». Религия вновь, как и в стрелец
восстаниях, выступала на помощь политической реакции. Церк
ники вновь именем господа бога освящают авантюру боярс
знати, обещавшей им в случае успеха возврат всех утраченный
чинных привилегий.

И мы видим, какое горячее участие в деле царевича Алек
принимает вся высшая церковная знать. При помощи архиер
Алексей бежал в Вену от преследований Петра, откуда переп
вался с ростовским епископом Досифеем и киевским митропол
Иосафом Краковским, прося их о том, чтобы они «напомина
нем народу» и при удобном случае поддержали его. Точно так
в числе прямых заговорщиков в пользу возведения на прес
Алексея и убийства Петра были архиереи — Белогородский И
рион, Нижегородский Сильвестр, Вологодский Павел, Астра
ский Иоаким и Суздальский Игнатий. Все они вели деятель
пропаганду в пользу политического торжества феодальной р
ции, так что Петр имел полное основание говорить: «Когда б не

[45] А. Брикнер — указанное сочинение, т. II, стр. 287.

нахи, не дерзнул бы Алексей на такое неслыханное зло. Ой, бородачи, многому злу корень старцы и попы; отец мой имел дело с одним бородачом (Никоном), а я с тысячами». Даже местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, хотя непосредственно не примыкал к заговорщическому кружку, но был посвящен во все его дела, поддерживал его и сочувствовал замыслам феодальной знати. В своей проповеди в Успенском соборе на день именин Алексея он, упрекая Петра в нарушении «заповедей и господних, между прочим, обратился с такой молитвой «к святому патрону» слабоумного царевича: «О, угодниче божий! не забуди и тезоименника твоего, особенного заповедей божьих хранителя и такого преисправного последователя... молим убо, святче божий! покрый своего тезоименника, нашу единую надежду, покрый его в крове крыл твоих, яко любимого своего птенца, яко зеницу от всякого зла соблюди невредимо. Дай нам видети его вскоре, всяким благополучием избилующа»[46].

То было время, когда рука деспота уже была занесена над головой его сына. И, несмотря на то, церковь в лице своего высшего представителя спешит воспользоваться церковной трибуной для открытой политической поддержки целей и планов феодальной реакции. На поле брани за свои экономические интересы она увлекает «святых угодников божьих» и, чтобы облегчить дело реакции и уничтожить все «богомерзкие дела» Петра, прибегает к религиозным мистификациям, перенося борьбу политических страстей в любимый сю заповедный мир божественного соизволения, благословлящего на насильственное избавление от «антихриста». Не удивительно, что, прикрываясь словесами о «гневе божьем» и выдавая себя за орудие этого мифического гнева, церковь стала знаменем и центром, к которому стихийно стягивались все обломки старины, сливая с делом царевича Алексея свои классовые мечты о политическом торжестве.

Не удивительно, что эти обломки исчезавших классов возлагали такие большие надежды на церковь. Под стягом религии и защиты «дела божьего» они еще надеялись взять реванш у худородного дворянства. Организационные ячейки церковников были разбросаны по всей России и все снова сходились вместе в ее столице, где находились церковные заправилы. Это делало церковь в политическом отношении сильной, а игра «гневом божьим» давала в руки ее великолепные козыри против Петра, уже ославленного антихристом. При таких условиях феодальная реакция питала полные надежды на успех своего дела. «Когда будет мне время без батюшки, — говорил Алексей своему камердинеру, — тогда я шепну архиереям, архиереи приходским священникам, а священники прихожанам: тогда они и нехотя меня владетелем учинят».

Вместе с тем церковная знать в союзе с боярством плела свои сети политических интриг и вокруг «монахини» Евдокии Лопухиной, представляя ее массам как невинную страдалицу за веру и христов закон. Находясь в заточении в Суздальском девичьем мо-

[46] А. Пыпин — указанное сочинение, т. III, стр. 193.

настыре, эта безграмотная и невежественная эксцарица была
брана боярами как лицо, которое могло послужить живым укор
«мучителю» Петру в их широкой пропаганде в пользу провоз
шения царем Алексея. При посредстве попов и монахов она с
силась с боярской знатью и под влиянием внушений церковник
не желала отказаться от титула царицы-правительницы. Несмот
даже на строжайшее запрещение Петра, церковники в Суздальск
монастыре продолжали величать ее на ектениях за богослужени
«благочестивейшей и великой государыней» и понуждали ее
крыто выступить в роли спасительницы «древлего благочести
предков». Ростовский епископ Досифей и Крутицкий митропол
Игнатий вместе с протопопом Федором Пустынным в целях подд
жать в ней этот дух спасения веры прибегали к прямому шанта
и лжи. Они уверяли слепо верующую, темную женщину, что
якобы многократно являлось множество «святителей и угоднико
которые предрекали, что она, мол, снова будет на престоле, сн
будет с сыном царствовать. Они говорили также, что якобы сл
шат ежедневно голоса от многочисленных икон, кои призывают
спасти отечество от злого еретика и богоотступника, воссевшего
престоле благочестивейших московских царей. Они пророчество
ли ей и о скорой лютой смерти этого богоотступника, назыв
даже день «мести гнева божьего». Так, о Досифее, епископе
стовском, на розыске открылось, что он приносил заточенной э
царице две иконы и, выдав их за чудотворные, велел ей клас
перед ними по нескольку сот поклонов; от тех икон он якобы ви
видение, что она попрежнему будет царицей и спасет веру х
стианскую. И «царица, — по выражению документа, — чуть не
душилась поклоны кладучи». Однако прошел год, а «пророчести
Досифея не сбывалось. На вопрос Евдокии, почему поклоны
помогли, благочестивый мистификатор не смутился и ответил,
ему было еще одно видение: видел-де он в самом аду отца ее,
грехи которого она и остается еще в монастыре. Нужно-де усерд
молиться о прощении грехов ее отца, чтобы таким путем освобод
его из ада. Евдокия просила его молиться и давала ему за
много денег. А он без конца шантажировал ее, — через год говор
что видел отца ее в аду, выпущенного уже до пояса, через втор
год уверял, что отец ее уже только по колени остается в аду и
необходимо еще деньжонок для молитв об его освобождении и т.
Жизнью поплатился святой шантажист за эти свои видения и п
рочества. Подавляя заговор по делу Алексея, Петр приказал
лесовать Досифея вместе с прочими главными заговорщиками
голову его воткнуть на кол. «Только я один и попался, — говор
он перед казнью, — а посмотрите, и у всех архиереев что на
извольте пустить уши в народ, что в народе-то говорят».

Но если церковь во имя возврата своего былого феодально
величия столь активно поддерживала политические интриги бо
ской знати, то, с другой стороны, она проявляла совершенно д
гое отношение к широким движениям угнетенных масс. Здесь о
не теряла своего классового чувства самохранения и един
фронтом с дворянским правительством Петра выступала на защ

господствующих классов, невзирая на то, что эти классы нанесли ей чувствительный материальный ущерб.

Мы видим, что в эпоху Петра задавленные беспощадной и жестокой эксплоатацией господствовавших классов трудящиеся массы, как и в предшествующее время, бежали на Волгу, на Дон, в степи, где становились под знамена различных атаманов и объединялись тут для борьбы со своими угнетателями. И хотя внушенный церковниками дух религиозного фанатизма и стояния за веру против антихриста-царя давал им уже готовый стимул для восстаний против дворянского правительства, но в основу своей борьбы они клали не эти религиозные, а чисто классовые интересы. Они домогались иного социального порядка и открыто высказывали свои заветные желания уничтожить власть бояр и помещиков вместе с попами и монахами. В этих случаях явного обнаружения чисто революционных чаяний угнетенной массы церковь действовала иначе, чем при заговорах феодальной реакции. Она забывала свою фронду, свое упорное противодействие экономической и финансовой политике Петра и спешила всячески оказать помощь «губителю и разрушителю веры», чтобы подавить восстания угнетенных.

Таково напр. было восстание народных масс в Астрахани в 1705 г. Здесь выступили против дворянского правительства посадские люди — низшее купечество — под лозунгом стояния за старину. Но к ним примкнула основная масса трудящихся, бежавшая сюда от гнета и эксплоатации помещиков. И эта масса, можно сказать, скоро придала всему восстанию характер открытого выступления против воевод, бояр, помещиков и вообще против всех богачей-эксплоататоров. В обстановке этого восстания духовенство Астрахани беззаветно стояло на стороне правительственной власти и активно помогало агентам Петра придушить угнетенных. Чины духовные, а именно митрополит Самсон и архимандрит Георгий Дашков, явились истинными предателями восставших. Благодаря их агитации посадские люди решительно отмежевались от основной массы «беглецов», и поэтому в Астрахани начались «несогласия и смятения и между восставшими распря великая». Купечество и ремесленники свернули знамена и во главе духовенства ушли с поля битвы. Осталась масса бежавшего от кабалы помещиков угнетенного люда, который решил бороться до последнего. Но против него уже готовились измена и предательство. Митрополит Самсон и архимандрит Дашков тайно сносились с боярином Шереметьевым, отправленным для усмирения восстания, и не замедлили уведомить его, чтобы он начинал поскорее штурм астраханского кремля, так как-де между «бунтовщиками» возникло несогласие. В 30 верстах от Астрахани Шереметьева встретили с иконами и крестами архимандрит Спасского монастыря Рувим, сам Георгий Дашков и другое духовенство и объявили, что «весь народ астраханский» за исключением «проклятых воров» изъявляет свою покорность правительству и готов его встретить... В дальнейших событиях подавления восстания астраханские монастыри являлись главными оплотами для немногочисленных войск экспедиций Шереметьева и при помощи многочисленных шаек монахов, которые шпионили

и разлагали ряды бойцов, переодевшись в крестьянское плат
восстание скоро удалось подавить. После победы у ворот астрах
ского кремля встретил усмирителя сам митрополит с сонмом все
духовенства, и под звон церковных колоколов и звуки радостн
песнопений победители вошли в собор возблагодарить господа бо
и помолиться о здравии и долгоденствии Петра. Главнейшие уч
стники восстания в числе 365 человек были преданы жесток
казни через колесование. И Петр имел полное право вместе с Ш
реметьевым благодарить и духовный чин за оказанную услу
«За неизреченную милость господа бога, — писал он по этому пов
ду, — благодарим с изрядным триумфом, которою викториею на
сими проклятыми ворами вам, яко виновным оной виктории, по
дравляем; за который ваш труд господь бог заплатит и мы
оставим». Это «неоставление» заключалось в больших денежн
наградах воспособлявшему правительственным войскам духов
ству с придачею деревень с крепостными. Сам главный пособн
подавления восстания архимандрит Георгий Дашков получил ск
ро высокий сан архиепископа и богатую ростовскую кафедру.
этого времени он стал одним из самых горячих приверженцев вс
Петровской политики, а в отношении к церковным мероприяти
Петра первым проводником и защитником всех его преобразов
ний. Так быстро исчезал у них и оппозиционный дух и крепк
стояние за правую веру, коль скоро видели они, что рука «раз
шителя и гонителя веры» не оскудевает.

V. НОВАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ КЛАССОВАЯ РОЛЬ.

Среди всеобщего церковного развала, полнейшей деморализации живых сил церкви, в условиях тайного и явного противодействия церковной знати Петр быстро реорганизовывал весь церковный аппарат, приспособляя его организацию к новым задачам охранения и защиты дворянского самодержавия. Секуляризация вотчинных доходов церкви и разгром экономического могущества патриаршей кафедры расчистили ему почву для такой организации. Политическая оппозиция церковников, ставшая ему некоторой помехой на пути к церковной реформе, была быстро сломлена. Уже казнь царевича Алексея и главнейших вдохновителей боярской фронды вырвала у церковной знати последнюю надежду на феодальную реакцию. А многочисленные аресты, истязания, нещадное битье батогами и кнутами, ссылки «на смирение» в отдаленные монастыри наиболее рьяных и упорных защитников старомосковского церковного феодализма скоро отрезвили остальную церковную братию, которая стала покорно, угодливо и раболепно принимать все то, что ей приказывали ее хозяева. Но так как, несмотря на беспрекословное робкое повиновение, с каким разбитый феодализм московской церкви склонил свою угодливую выю перед дворянским абсолютизмом, все же ее высшие представители обнаружили свою неспособность стать во главе вновь реорганизуемой дворянской церкви, то были найдены для этого другие люди.

Петр нашел этих надежных людей не в Московской Руси, а на Украине. В Киеве, центре недавно покоренной московским самодержавием Украины, уже давно существовала ученая корпорация православного монашества, которая ожидала только случая, чтобы применить свои способности на поле российского царизма и из узкой сферы воспитателей и профессоров духовного юношества выйти на широкий путь славы и почета под эгидою победоносного московского самодержавия. Проникнутые духом иезуитизма, льстивые и раболепные, усвоившие себе плоды западноевропейской схоластической науки, чуждые привязанности к вотчинным привилегиям, которых не имели, эти иезуитствующие властолюбивые монахи как нельзя лучше приходились к новой роли пионеров церковного полицейского режима, охраняющего российский императорский абсолютизм. Как нельзя лучше эти украинские чернорясники способны были стать блюдолизами императорского самодержавия и во имя личной славы, личного честолюбия выступить на

защиту тех идей и того режима, которые придушили их национал-ное бытие и не давали им возможности развернуть свои честол-бивые домогания на почве порабощенной Украины. И Петр ус-ленно стал зазывать к себе этих раболепных церковников, справе-ливо надеясь, что эти люди за подачки и чины, за почести и дере-вни, чтобы расположить к себе милость и щедрость своих новы-господ и покровителей, будут точными, послушными и усердным исполнителями их воли. В руки этих новых подхалимов россий-ской торгово-дворянской монархии Петр и отдал всю высшую иерархическую власть в церкви. Они заняли в ней все командны-высоты и своей усердной деятельностью по предначертаниям св-ше окончательно сломили и изгнали всякий дух оппозиционно-настроения в среде московского духовенства, помогли Петру пр-вести в церковную жизнь все необходимые реформы и таким обр-зом сделать из церкви верный и надежный аппарат классово-угнетения, могучее орудие власти помещиков.

К этому властно принуждало их кроме личного честолюбия самое их господствующее положение в среде высшей иерархии мо-сковской церкви. Украинские церковники, оставляя свою родин-и занимая командные должности в российской дворянской церкв-вступили в общество церковников, которые были им явно вражде-ны, смотрели на них как на «еретиков» и ненавистных «латиня-захватывавших первые теплые места в церкви в ущерб московски-бородачам. Они не могли не видеть этой вражды к себе сплоченно-партии смирившихся церковных земельных магнатов и не могли н-понять, что прочность их положения, милости и щедроты, ласки любовь российского дворянского самодержавия зависят всецело о-большего или меньшего согласия их с идеями, видами и стремле-ниями обласкавшего их нового хозяина. Для собственного благопо-лучия и закрепления своих позиций им надлежало покончить по-скорее со всем тем, что еще продолжало питать злобную ненавис-церковной знати к Петровской политике. «Дрожжи народа, душ-дешевые, предназначенные только для поядания чужих трудов-восстают на государя своего, на помазанника господня!» — греме-напр. на московских бородачей главный сподвижник Петра укра-инский монах Феофан Прокопович. «Да вам, получая хлеб бе-труда, следовало бы быть довольными, удивляться и говорит-«откуда мне это?».. А вы, бездельные люди, тайным бесом оболь-щаемые, больше радуетесь печальным известиям, чем радост-ным!» [47]. Этот украинский выходец был решительным врагом вот-чинных вожделений московской высшей иерархии, которые та-тесно связаны были с защитой принципа иерократического госпо-ства. В этом принципе он видел громадную опасность для свое-блестящей карьеры на новой родине. Он получил уже то, о чем мечтал, еще сидя в Киеве: епископский сан и митру и нескольк-деревень с крестьянскими душами. Он занялся уже и хозяйство-и насаждал в своем поместьи новые кленовые деревца. Но проти-него стояла целая сплоченная масса приверженцев церковного фе-

---

[47] И. Чистович—Феофан Прокопович и его время, стр. 149.

одализма, в сознании которых еще живы были все старые традиции вотчинного быта, доставлявшие им столь огромные экономические выгоды. И этот украинский выходец, не разжиревший на вотчинных правах и привилегиях, стал им особенно ненавистным, с тех пор, когда явно обнаружилась его ожесточенная борьба против церковного феодализма и соединенного с ним поползновения провести принцип политического двоевластия.

Местоблюститель и его партизаны с величайшей нетерпимостью напали на этого раболепного собрата, предававшего их интересы в угоду своему честолюбию. И снова, уже внутри самой церковной верхушки, разгорается жестокая борьба за экономические интересы, которая и на сей раз закрывается догматическими спорами о высоких богословских материях. Защитники своих вотчинных прав объявили, что Феофан Прокопович «заражен ересью кальвинскою». Они раздобыли все написанные им ранее богословские сочинения и стали доказывать, что изложенные в них мысли «суть его изобретения или паче прежде его от Лютора и Кальвина изобретены»; они говорили, что Феофан коварно искажает тексты священного писания, «покрывает божественные писания измышленными толкованиями и хитрыми подводами», «пестрыми беседами» и конечно имеет в виду распространение в России ереси: «и отсюда явно показуется, яко истое намерение его было показати православным читателям путь к люторству и кальвинству и ко всему реформатству» [43]. Так в недрах самой церкви обострилась внутренняя партийная борьба носителей старого феодального духа с первыми представителями и защитниками нового положения церкви в дворянской монархии.

Борьба шла под видом богословских споров, и церковные разногласия как будто бы были далеки от политики. Но на самом деле пионеры новой дворянской церкви уже были настоящими политическими агентами Петра и под видом ревнителей церковного просвещения и защиты своих богословских учений исполняли роль церковно-политических инквизиторов, выколачивавших у московских бородачей старый вотчинный дух. Они твердо держали в своих руках кормило церковной власти, направляя его по тому пути, который указывали им правящие классы. Они стали во главе церкви вместо московских бородачей — фанатических поборников старины во имя своих вотчинных прав и привилегий, и задали тон всей церковной политике. И с помощью их была произведена серьезная операция над разложившимся и загнившим церковным аппаратом.

Главой их был Феофан Прокопович, который, можно сказать, был правой рукой Петра во всех его реформах и начинаниях, преследовавших цель упрочить его безграничное самовластие. Он явился первым идеологом абсолютной власти российских императоров, обоснованной на новых принципах западноевропейских буржуазных теорий естественного права. Его теоретическое обоснова-

[43] А. Пыпин—указанное сочинение, т. III, стр. 205.

ние идеи неограниченного самодержавия вошло как государственный акт в основные законы бывшей Российской империи и оставалось нерушимым до последних дней русского царизма.

В полном согласии с западноевропейскими буржуазными теориями Феофан Прокопович во всех своих сочинениях, проповедях и отдельных выступлениях усердно пропагандирует, что только один царь может доставить «довольство во всем потребном для жизни человеческой», «мирное и безмятежное житье», «самое совершенное благо», «ненарушимое блаженство» и т. п. Абсолютизм Петровского самодержавия он обосновывает на теории так называемого «естественного происхождения государства» и на так называемом «всенародном намерении».

Однако Феофан Прокопович в качестве духовного чина не мог не заметить, что по этим теориям монарх получает свою самодержавную власть из рук «народа», между тем как «божественное писание» говорит: «несть власть, аще не от бога». Поэтому он сейчас же спешит прибавить: «но должно знать, что «народная воля»... бывает не без особенного смотрения божия, но божиим мановением движимая действует. И того ради все обязанности как подданных государю своему, так и государя к добру общему подданных своих не от единой воли народной, но и от воли божьей происходят».

Подобным же образом украинский монах, ставший во главе церкви, развивает свою теорию о повиновении властям. Естественные законы, пишет он, требуют-де от нас, чтобы мы любили и боялись бога, охраняли свою жизнь, не делали другим, чего не желаем себе, почитали своих родителей и т. п. О существовании таких законов свидетельствует нам наша «совесть», и самый разум наш побуждает-де нас к их исполнению. Но к их же числу, говорит Феофан, принадлежит и тот, который предписывает нам подчинение предержащей власти. Больше того, это, по Феофану, самый главный из естественных законов: «ибо если, с одной стороны, велит нам естество любить себя и другому не делать того, что нам не любо, то с другой стороны, злоба рода растленного разорять закон сей не сомневается; поэтому всегда и везде желателен был страж и защитник и сильный поборник закона, и той есть державная власть». Но раз создатель естества — бог, продолжает Феофан, и самый естественный закон написан, мол, в сердцах людей богом, то не только естество, но и воля бога повелевает, чтобы была верховная власть и никакая другая, а именно царская самодержавная власть.

И тут Феофан Прокопович спешит покинуть почву «разумного основания». От естественного права он с особенной любовью переходит в область «божественных писаний» и, чтобы доказать «божественное происхождение» царской самодержавной власти «от писания», приводит буквально все тексты, в которых повелевается повиноваться царю. Не довольствуясь этим, он протаскивает в свою новую теорию старую восточновизантийскую идею обожествления царя. По священному писанию, монархи «builds и христы нарицаются». Отсюда и следует, что царю-де должно повиноваться «не токмо за гнев, но и за совесть», «яко наместнику божию» и «яко

человеку, богу в суде подражающему, и яко христу господню, помазаннику божию». Так в своей новой теории власти российского императорского абсолютизма услужливый украинский церковник доходит до крайностей, противоречий и откровенного цинизма. Теория «общественного договора» на «разумных основаниях» под бойким пером ловкого монаха оказалась не чем иным как подновленной и разбавленной пустыми разговорами о «естественных законах» исстаринной идеей эксплоататоров — идеей верховной власти «божией милостью». Придерживаясь западных буржуазных теорий, церковные защитники помещичьей власти обильно вплетают в новую идеологию власти ссылки на «божественные писания» и волю божию в качестве главнейшего аргумента на право помещиков господствовать на земле. На основании этого аргумента уже легко можно было обосновывать далее и те положения, что весь народ должен-де беспрекословно повиноваться самодержавному монарху, не может судить его, ничего не может повелевать ему, не может конечно и восставать против него, как бы жесток и несправедлив он ни был, и «отданной ему воли своей отняти», но должен «терпети народ какое-либо монарха своего настроение и злонравие», а монарх «может законно повелевать народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится; только бы воле божией не противно было».

Создается таким образом оригинальная смесь старомосковских теорий о власти с учениями поклонников рационализма XVIII в. Наряду с этими модными рационалистическими теориями резко выпячивается церковное учение, которое делало исключительным предметом особенного божественного поручения призвание господствующих классов насаждать на земле «общее благо» и «блаженство» подданных. В утверждаемой церковью новой идеологии власти она по существу не далеко ушла от основных положений старомосковской церковно-политической идеологии. Крупнейший помещик и первый купец в государстве XVIII в. точно так же, как и богатейший московский вотчинник XV—XVI вв., вновь становился наместником божим, образом бога на земле. Престол петербургского дворянина, как и престол московского феодала, снова становится «престолом христовым»; его почитание возводится в божественный догмат, а всякое сопротивление его власти рассматривается как восстание против самого бога, достойное беспощадной смерти.

Это была первая, главная заслуга новой, дворянской церкви — утверждение новых принципов самодержавной власти в согласии с течениями, которые шли в торогово-дворянскую монархию с буржуазного Запада. Они и утвердились официально в дворянской самодержавной монархии Петра после разрыва ее со старой церковно-политической идеологией. Было положительно установлено законом, что «монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам бог за совесть повелевает». И в основных законах бывшей Российской империи статья первая гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. По-

виноваться его верховной власти не токмо за страх, но и за совесть сам «бог повелевает».

Для церкви со времени Петра и до последних дней существования русского царизма это было и оставалось «священной буквой божественного закона», нерушимым до века божественным догматом.

Вместе с теоретическим обоснованием абсолютизма дворянского самодержавия рухнула, естественно, и не имевшая уже под собою никакой экономической базы никоновская теория иерократизма церковного. Если для московских бородачей она еще имела некую долю привлекательности как опорная точка для борьбы за свои потерянные феодальные вольности, то для новых украинских церковных заправил она не могла скрывать под собою никакой притягательной силы, поскольку они оставались совершенно чужды духа московского церковно-монастырского вотчиновладения. И мы видим, как тот же усердный защитник и проповедник всех церковно-административных преобразований Петра Феофан Прокопович на основании того же священного писания, которое служило когда-то патриарху Никону главным орудием в борьбе за проведение церковного иерократизма, теперь окончательно побивает эту пресловутую идею церковных феодалов. В своей знаменитой проповеди «О власти и чести царской» он резкими словами обличал «невежественных людей», которые «не знают христианского учения о властях предержащих», не знают, что «высочайшая держава от бога устроена и мечом вооружена есть, и противится одной есть грех на самого бога». Он метко побивал всех церковных «буесловцев», которые покушались богословствовать, не зная «священного писания», и мечтали о том, что могут даже отнимать царские скипетры. Самодержавная власть, говорил он, есть закон природы, установленный самим богом, и потому все без исключения обязаны царской власти одинаковым безусловным повиновением. «Убо властем противится? — гремел он с церковной кафедры на московских бородачей, — богу самому противится. Сказано «всяка душа властем предержащим да повинуется». Если сказано «всяка душа», то значит и для вас нет исключения. «Помыслит бо кто, и многие мыслят, что не вси весьма людие сим долженством обязаны суть, но некие выключаются, именно же священство и монашество. Се терн, или паче рещи, жало, но жало се змиино есть, папежский се дух: по не вем, как то досягающий и касающийся нас; священство бо иное дело, иный чин есть в народе, а не иное государство».

Это было категорическое решение, сдававшее в архив истории все притязания церковной феодальной знати, шедшей наперекор планам и намерениям дворянской монархии. Теоретически оно оканчивало долгий спор о двоевластии, который разрешил Петр секуляризацией вотчинных доходов церкви и уничтожением экономической базы ее главного представителя — патриарха. В согласии с новым порядком экономической зависимости церкви от помещичьего государства стали действовать и божественные заповеди. На основании их уже доказывалось совершенно противное тому, что возводил в божественный институт главный борец за

церковный феодализм — патриарх Никон и что слышалось нам в речах патриарха Адриана и даже в проповедях местоблюстителя Стефана. Экономика вела за собою «волю божию», и «заповеди господни» теперь запрещали церкви оставаться непослушным колесом, тормозящим правильный ход всего механизма дворянской монархии. Для лучшего исполнения своей роли в этой монархии господь бог устами Феофана повелевал церкви подчиниться общей системе дворянского управления и, по мановению самодержавной руки, наряду с другими угнетательскими силами классового аппарата помещиков, стать чисто служебной полицейской силой.

Проведенная Феофаном Прокоповичем реорганизация церковно-административного управления фактически и превратила церковь в такую силу. Она всецело передавала все управление церкви в руки государства и сделала русскую православную церковь интегральной частью государственного строя помещиков, т. е. простым ведомством, как она и стала именоваться в официальной переписке: «Ведомство православного исповедания».

На смену патриаршества — оплота отжившего феодализма — была учреждена «на пользу отечества державы своея» духовная коллегия, которая по существу явилась чисто государственным учреждением. О ней сказано, что она «не есть некая факция, тайным на интерес свой союзом сложившаяся, но на добро общее, повелением самодержца, и его ж с прочими рассмотрением собранные лица». Члены духовной коллегии приглашались самим императором из числа наиболее угодливых и раболепных архиереев, архимандритов и протопопов и занимали должности, дающие им такие же, как в табели о рангах, бюрократические чины и звания по образцу светских коллегий: президента, вицепрезидента, советников и асессоров. Собственною рукою Петра им было назначено весьма приличное жалованье, а именно: президенту 3 000 руб., вицепрезиденту 2 500 руб., советникам по 1 000 руб., а асессорам по 600 руб. сверх содержания, получаемого от епархии и монастырей. Вскоре Духовная коллегия была переименована в «Святейший правительствующий синод», который и представлял собою высшее церковное управление до последних дней русского царизма.

Синод гордился тем, что он «должность свою исправляет не своим именем, но высокомочными указы его царского величества, который яко благочестивейший монарх, самого себе оному священному синоду за верховного представителя и судию представил и честь, силу и власть тому святейшему правительствующему синоду собственным царские руки своея подписанием утвердил». Синод, в качестве главы российской православной церкви, тем и был силен, что «под державным монархом есть и от монарха установлен есть на добро общее повелением самодержавца». Поэтому его первой и непосредственной заботой было «искание интереса царского величества против прочих коллегий не меньше», а его единственной задачей стало охранение «священных устоев» самодержавного режима, и перед этой задачей все дела веры и религии обращались в чисто охранительные, полицейские средства для поддержания незыблемости этих устоев. Для постоянного надзора за более ус-

пешной деятельностью синода в отношении охранения этих «священных устоев» Петр назначил в синод светского чиновника в качестве «ока государева и стряпчего по делам государственным». Изданный по этому случаю указ гласил: «В синод выбирать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать и быть ему оберпрокурором, и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генералпрокурора».

Таким образом, фактически все высшее управление религиозными делами дворянской монархии совершалось под бдительным надзором «добрых и смелых офицеров», которые сами давали церковной знати все указания относительно того направления, в каком церковь обязана была работать на благо господствующих классов. Стоит указать здесь напр. на официальное запрещение духовенству проповедывать против пьянства, отданное оберпрокурором в середине XIX в., при господстве в царской России системы откупов на винную торговлю, чтобы ясно увидеть, к чему сводилась роль церковного аппарата, действующего «по указам его императорского величества». При такой организации правящая церковная верхушка плотным клином вошла в систему централизованного бюрократического управления, сделалась исключительно «синодальной правительственной командой», как характерно именовались члены синода в официальных актах XVIII в., и должна была надеть на себя мундиры полицейских чиновников.

Как и все государственные чиновники, члены правительствующего синода при своем избрании давали присягу и клятву в том, что они обязуются всем своим разумением и всеми своими силами споспешествовать насаждению «общего блага» помещиков. «Клянуся всемогущим богом, — читаем в этой присяге, — что хощу и должен есмь моему природному и истинному царю и государю, всепресветлейшему и державнейшему Петру первому — царю и всероссийскому самодержцу, и протчая, и протчая, и протчая. И по нем его царского величества, высоким законным наследникам, которые по изволению и самодержавной его царского величества власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут. И ее величеству государыне, царице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть и все к высокому его царского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том живота своего, в потребном случае, не щадить, и притом, по крайней мере старатися споспешествовать все, что к его царского величества верной службе и пользе во всяких случаях касатися может, о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися буду; когда же к службе и пользе его величества какое тайное дело, или какое бы оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершеннейшей тайне, и никому не объявлять, кому о том ведати не надлежит, и не будет повелено объявлять. Буди мне

сердцеведец-бог обещания моего свидетель, яко неложное есть, аще же есть ложное, и не по совести моей, буди мне тот же праведный отмститель. В заключении же сей клятвы моей целую слова и крест спасителя моего: аминь»[49]. Эта торжественная клятва правящего церковного аппарата хорошо говорит сама за себя. Даже все поповские историки и ученые богословы всегда признавали, что она была выражением полного и беспрекословного согласия церковной верхушки отдать всю церковь, все имеющиеся в ее распоряжении религиозные средства и весь персональный состав своего аппарата на служение целям помещичьего самодержавного режима.

За синодальными верхами послушно тянулись епархиальные архиереи, которых церковная реформа превратила из богатых земельных магнатов в рабски угодливых и верных самодержавию духовных чиновников, работавших на местах в тесном единении с губернаторами и политическими сыщиками и дозорщиками Петра. С этой целью кандидаты на архиерейские места проходили тщательную фильтровку и прежде своего назначения подвергались в столице долговременному испытанию в своих способностях стать надежными политическими агентами самодержавия. Именно, велено было синоду вызывать в Петербург из монастырей добрых и достойных монахов-архимандритов, поселять их здесь в Александро-Невской лавре и обучать их искусству управления будущими епархиями, «чтобы не ставить таких, как тамбовский Игнатий и ростовский Досифей были» и чтобы сам Петр мог лично с ними ознакомиться. В своем епархиальном управлении местные архиереи должны были действовать по указаниям синода и точно так же должны были давать архиерейскую присягу «в верности и во искании интереса царского величества».

На низшее духовенство церковная реформа обратила самое серьезное внимание, стремясь обратить его из бродяг и разбойников в хорошо организованную армию верных слуг и агентов предержащей власти. Первою заботою в этом отношении было определение нужного государству контингента попов городских и сельских, т. е. введение духовных штатов, подобно тому как установлено штатное количество нужных дворянской монархии военных и гражданских чинов. Все излишнее количество попов и поповских детей привлекалось на гражданскую службу путем так называемых разборов духовенства т. е. другими словами — путем генеральных чисток, производившихся несколько раз. Оставшиеся в штате попы должны были пройти через духовные школы, организуемые при архиерейских домах и монастырях, чтобы из невежественных и полуграмотных стать «учеными пастырями» своих чад. Немного позднее историк Татищев в своем завещании сыну верно выражает смысл этих усиленных забот дворянской монархии о просвещении низшего духовенства, когда говорит об отношении помещика в своем имении к церкви и попу: «Старайся, — пишет он, — иметь попа ученого, который бы своим еженедельным

---

[49] П. Верховский — указанное сочинение, т II, стр. 6.

поучением к совершенной добродетели крестьян твоих довести мог; имей с ним частое свидание, награди его безбедным пропитанием, деньгами, а не пашней, для того, чтобы от него навозом не пахло; за деньги он лучше будет прилежать к церкви, нежели к своей земле, пашне и сенокосу, что и сану их совсем неприлично и через то надлежащее почтение теряют. А крестьяне, живучи в распутной жизни, не имея доброго пастыря, в непослушание приходят, а потом господ своих возненавидят, подведя воров и разбойников, смертельно мучат и тиранят, а иных и до смерти убивают. Когда же где есть ученый поп и доброго поведения человек, к тому же не имеющий в деньгах крайней нужды, то конечно приведет крестьян в благоденственное и мирное житие, и злодеяний таких в тех местах мало бывает».

На этом основании, в сущности говоря, и покоились все заботы дворянской самодержавной монархии как о материальном обеспечении рядового духовенства, так и о поднятии его умственного и культурного уровня. Все эти заботы помещиков стремились сделать образование духовного сословия именно специфическим, узко тенденциозным и строго профессиональным, чтобы соответственно новой полицейско-охранительной роли церкви подготовить надежные кадры духовных чиновников, которые были бы верными слугами самодержавия, стоящими на высоте поставленных перед ними задач околпачивания и оболванивания народных масс путем религиозного дурмана.

Так при помощи усердной деятельности новой креатуры в лице ученых украинских монахов абсолютизм Петра взял в свои руки национальную церковь, чтобы сделать из нее могущественный орган классового угнетения и тем обеспечить полную безграничность своей власти и мертвое послушание подданных. Из разрозненных и экономически независимых от государства феодальных миров, замкнутых в своей экономической привилегированности, была создана стройная церковная организация и проведено сверху донизу строгое соподчинение церковной иерархии. В лице патриархов была уничтожена последняя тень церковного феодализма, и вновь учрежденный синод вполне стал зависеть от оберпрокуроров, которые регулировали его деятельность в соответствующем направлении. От синода зависели епархиальные архиереи и монашество, проводившие на местах все синодские циркуляры и распоряжения. Рядовое духовенство в городах находилось в распоряжении епархиального архиерея, действовавшего через консисторских чиновников, а сельские попы отданы под непосредственный надзор помещиков, трактовавших своих попов наравне с исправниками и прочими агентами по насаждению в крестьянстве должного по отношению к господам повиновения. Вместе с тем произведена была генеральная чистка всего духовного чина. Церковь превратилась в колоссальное охранительное ведомство дворянской монархии, в широко разветвленный, но единый и согласованно действовавший аппарат классового угнетения и взяла на себя ответственные задачи охранять своим духовным авторитетом устои самодержавного режима помещиков и капиталистов.

Все религиозные средства, самая вера, обряды, богослужение, весь персональный состав церковного аппарата великолепно приспособились к этим ответственным задачам. Дух недовольства Петровскими «новшествами», противодействие секуляризационным действиям Петра, оппозиция и идеологический блок с посадским расколом — все это развеялось, как пыль и прах, исчезло, как сон, забылось, как досадная неловкость. Церковь нашла свое новое credo не в упорной защите отживших традиций, а в верном служении и верной охране новых порядков. И тот боевой лозунг «защиты православной веры», под прикрытием которого она тщилась сохранить от разрушения свои феодальные крепости, теперь обращается на защиту и возвеличение дворянского самодержавия.

Мы видим, что в руках церковных заправил распространение православия становится одним из наилучших средств подчинения «инородцев» под скипетр Петровой державы и их руссификации. История распространения православной религии во вновь покоренных восточных областях достаточно свидетельствует об этом. Здесь параллельно с правительственными войсками шла самая деятельная помощь церкви, состоявшая в самых разнообразных способах «миссионерского поощрения» инородцев к спасению своих душ через принятие православия.

Еще назначая митрополита Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола, Петр приказал ему «крайне прилежать» о «проповеди слова божия» подвластным Российской империи остякам, вотякам и лопарям. Указом 6 декабря 1714 г. велено Сибирскому митрополиту Федору ехать в землю вогульскую и вотяцкую, к татарам, тунгусам и якутам и пожечь их кумиры; кто обратится в христианство, тем давать холст на рубахи и объявлять льготу в ясаке; на помощь брать войско у комендантов местных городов; ехать в города: Верхуторье, Пелым, Березов, Нарым, Тобольск, Енисейск, Якутск — по рекам. Митрополит Федор с царскими войсками разъезжал по «вышним городам», ездил «по всем рекам» и занимался насильственным обращением в православие людей «разных языков». В «Петербургских ведомостях» за 20 сентября 1720 г. появляется уже известие, что в Сибирской епархии «приняли крещение 30 000 человек из «неверных народов». Из тех же «Ведомостей» имеем «известие», что в Сибири насильственно крещено до 40 000 «язычников» и построено до 20 церквей, а прежние «языческие капища помощию божией опровержены и идолы сожжены». По взятии Азова жители 3 000 кибиток калмыков, отошедших в российские пределы, были насильственно обращены в православие и поселены на Дон. Точно так же насильственно крещены ясашные черемисы всего Яранского уезда. Руссификация татар в казанских пределах при помощи насильственного крещения была также предметом весьма усиленных забот со стороны церкви. Английский дипломат Витворт упоминает, напр. о насильственном крещении 12 000 башкир на реке Уфе. Новокрещенные обыкновенно обнадеживались попами, что будут освобождены на 7 лет от всяких податей. Но эти обещания никогда не исполнялись и были лишь тактическим приемом цер-

ковников для большего уловления в «лоно православной церкви «неверных языков». За усердную деятельность в этом направлении церковники получали награды, деньги и населенные трудящимися земли и вследствие этого очень ревностно насаждали православие, покоряя при его помощи инородческие массы «под нозе великого самодержца».

Еще грознее оружие православной веры обрушилось на раскольников. Как будто стыдясь и негодуя за то, что еще недавно церковная знать вместе с посадским расколом шла единым оппозиционным фронтом против Петровских «новшеств», вновь учрежденный синод сделался по отношению к раскольникам настоящим безжалостным инквизитором, стремясь яростной борьбой против своих недавних политических друзей заслужить доверие и похвалу господствующих классов. Раскольников объявляли с церковных амвонов государственными преступниками, а все укрыватели раскольников, по указам синода, приравнивались к «возмутителям» и противникам власти. К розыскиванию расколоучителей было привлечено все местное духовенство, работавшее в тесном контакте с гражданскими чиновниками. Указы синода обязывали попов зорко следить за тем, кто в их приходах исповедуется и причащается, и вести особые списки не бывающим на исповеди. Ходя по домам в праздники с крестом и водою, попы наблюдали, кто подходит ко кресту, кто нет, кто как крестится и, замечая раскольника, немедленно доносили в приказ,- а там заковывали в цепи, сажали в тюрьмы, а затем следовали допросы, пытки, истязания и ссылки. За каждого пойманного или открытого раскольника им тоже назначалось особое вознаграждение.

Отлучение от православной церкви сонм раболепствующего духовенства уже не пускает в оборот как лицемерную угрозу своим великим хозяевам. Этот церковный акт, практиковавшийся в Московской Руси как средство в борьбе феодальных князей между собою за политическое верховенство, правящая церковная верхушка уточняет, углубляет, придает ему стройный вид особого церковного чинопоследования и начинает пользоваться им как великолепным политическим средством психологического воздействия на верующие массы для укрепления верности устоя православия и самодержавия. Именно со времени Петра I синод приказал ежегодно во всех кафедральных соборах бывшей России совершать «чин православия» и «анафематствований» при участии всего городского духовенства. Среди других анафематствований и проклятий различным «богоотступникам» приказано было особенно «велегласно» провозглашать анафему всем «бунтовщикам и изменникам» против самодержавия. В чин православия специально были внесены проклятия Димитрию Названному, Тимошке Акундинову, который в царствование Михаила Федоровича восстал против существующего порядка, Степану Разину, а позднее анафеме были предаваемы все «политические преступники», т. е. все борцы за свободу против гнета помещиков и капиталистов. Синод особенно заботился о том, чтобы эти анафематствования производили определенное устрашающее впечатление на

легковерные толпы. С этою целью проклятия были наполнены целым ассортиментом отборнейших ругательств на «священном церковно-славянском языке, а провозглашающим их соборным протодьяконам давалась особая инструкция произносить этот подбор бранных словес с особенной театральностью, с соответствующими интонациями и тонкими нюансами в подобающих местах.

Таково напр. анафематствование Степану Разину, введенное в «чин православия» по распоряжению Петра: «Страх господа бога презревший и час смертный и день судный забывший, церковь святую возмутивший и обругавший... иго работы отвергший... народ христианский возмутивший и многие невежды обольстивший, и лестно рать воздвигший, отцы на сыны и сыны на отцы, и браты на браты возмутивший... и на все государство Московское зломысленник, враг, крестопреступник, разбойник, душегубец, человекоубиец, кровопиец, новый вор и изменник, донской казак Стенька Разин с наставники и зломысленники такового зла... яко Дафан и Авирон да будут прокляты, анафема». И раскаты протодьяконского баса все усиливались, подхватываемые целым хором поповских голосов, трижды вопиявших: «анафема, анафема, анафема!» Они достигали настоящего исступленного рева и бури, когда под мрачными сводами собора раздавались протодьяконские громогласные слова: «Промышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о них божию благословению и при помазании дарования святого духа к прохождению великого звания на них не изливаются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену — анафема!» Это была уже настоящая политическая манифестация, открытый политический призыв церкви к определенному идеологическому сплочению верующих во имя защиты самодержавия помещиков.

Введенный впервые при Петре этот «чин православия» с тех пор не прекращался, дополняясь новыми проклятиями «изменникам». И эти проклятия гремели в русских церквах еще в феврале 1917 г., когда на улицах Ленинграда уже лилась народная кровь за ниспровержение божьих помазанников.

Чисто полицейское охранительное значение православной веры выразилось в эпоху Петра и в присяге перед крестом и евангелием. При участии Феофана Прокоповича синод выработал особую сакраментальную форму присяги «именем всемогущего бога... по указу его императорского величества», и ею стали пользоваться исключительно в политических видах. Присяга стала играть роль свидетельства на политическую благонадежность, и с этой целью она сделалась обязательной не только на верность подданства и при вступлении в должность, но даже при повышении в чине. «Кто определен будет повышением чина, как из военных, так и из гражданских и духовных, — говорилось в указе 1721 г., — тем на каждый чин иметь присягу, воинским по военному артикулу, также и солдату при приеме на службу; гражданским по генеральному регламенту, а духовным по регламенту ж из духовного синода и оные присяги присылать о гражданских — в сенат, а о военных — в военную, а о духовных — в синод». Все эти указы о при-

ведении к присяге исполнялись с необыкновенной строгостью, и попы обязаны были немедленно доносить о всех лицах, отказавшихся от присяги, за что последних постигали жестокие кары, как по политическому преступлению. Ясно, что присяга именем божьим, перед крестом и евангелием, в присутствии попов, играла чисто политическую роль, а религия, давшая ей сакраментальную форму, была лишь средством в руках господствующих классов. Несмотря на это, церковники постарались придать этому чисто политическому действию характер божественного установления и «божественной заповеди», обязательной-де для каждого христианина, не желающего погубить своей души. С рвением и настойчивостью ученые богословы до последних времен существования царизма писали свои магистерские и докторские «диссертации», в которых со всем тяжелым запасом богословских аргументов и схоластической изворотливости стремились доказать, что введенная при Петре присяга — лишь осуществление божественного повеления, из века данного людям для их спасения.

Кроме веры и религиозных обрядов на службу охранения самодержавия Петр привлек и самые «таинства» церкви. В целях руссификации инородцев было введено принудительное крещение как полицейский признак принятия верноподданства; в целях искоренения раскола стали практиковать принудительное исповедание и причащение. Обязанность исповеди и причастия сделалась со времени Петра общей для всех граждан православного исповедания политическою обязанностью, опущение которой особенно строго взыскивалось с лиц, состоявших на государственной службе на основании ст. 23—27 Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В каждом приходе попы имели у себя особые «клировые ведомости», где регулярно отмечали всех лиц, бывших и не бывших у исповеди и причастия. Об уклоняющихся почему-либо от исполнения этого «святого долга» доносилось по начальству, в консисторию, которая доводила о сем до сведения гражданских властей, и такие лица попадали под особый надзор полиции.

В то же время по чисто охранительным соображениям синод по приказу Петра отменил «тайну» исповеди. Он издал распоряжение о том, чтобы все «духовные пастыри» неукоснительно доносили Преображенскому приказу и Тайной канцелярии о сообщенных им на исповеди «народных соблазнах и злодейственных намерениях», к которым отнесены: «измена или бунт на государя или на государство, или злое умышление на честь и здравие государево и на фамилию его царского величества», а также «слова, до высокой его императорского величества чести касающиеся, или государству вредительные». При этом сочиненный Феофаном Прокоповичем Духовный регламент, легший в основание деятельности реорганизованной церкви, старается доказать, что такой донос нисколько не противоречит самому понятию о «таинстве» исповеди, что, напротив, поп через свой донос только исполнит слова господни: «аще согрешит против тебя брат твой, иди и обличи его наедине... аще же не послушает, повеждь церкви», что если господь повелевает объявлять о частных обидах, то тем более нужно д

носить полиции о «злодейственных умышлениях на честь и здоровье благочестивейшего императора». Так, даже политические доносы они превращали в исполнение господних заповедей и оправдывали религией свою гнусную деятельность. Каждый поп при вступлении в свою должность приводился к присяге и перед крестом клялся доносить обо всем куда следует. Вследствие этого он делался настоящим «сыщиком и дозорщиком» Преображенского приказа, и промысел ябедника, шпиона и доносчика развивал в нем неудержимую страсть проявить свои способности в делах такого рода и через то выслужиться и получить соответствующую мзду. Действительно, страсть заявлять «слово и дело» даже без всяких основательных к тому причин достигла среди духовного чина в эпоху Петра такого развития, что даже сам синод напрасно старался внушать духовенству, чтобы оно не утруждало правительственных агентов доносами по одним подозрениям и неосновательным слухам. Но ревность отцов и желание выслужиться перед правительством не ослабевали. Доносы их порождали порой такие любопытные политические процессы, что известия о них можно было бы счесть басней, грубой клеветой на духовное сословие, если бы эти известия не дошли до нас в совершенно официальных документах. Так, в 1721 г. вологодский воевода Потемкин прислал в Преображенский приказ вологодского соборного протопопа и протодьякона с письменным отношением, в котором значилось, что протодьякон назвал протопопа изменником царю за то, что он-де, протопоп, не говорит в ектениях молитвы «о плавающих и путешествующих», следовательно не желает молить бога о флоте, который недавно был заведен Петром [50]. Попы ходили с молитвой и крестом по домам, выведывали, высматривали, прислушивались и, чуть только замечали где-либо в действиях или речах политический оттенок, спешили донести о «бунтовщиках» по начальству. Исповедь была особенно удобным для сего средством, почему мы и видим, что и в последующие времена синодский указ о доносе сообщенных на исповеди «злоумышлениях» не только не отменялся, а, напротив, неоднократно издаваемые циркуляры подтверждали его к неукоснительному исполнению, и особенно полковым попам специально предписывали доносить военному начальству о том, что им будет открыто «на духу» солдатами.

Наконец реорганизованная Петром церковь поставила на службу дворянского самодержавия и все свое богослужение, а также свои молитвословия и песнопения. Если мы обратим внимание на то обстоятельство, что церковное богослужение своею театральностью и внешней обстановкой чрезвычайно сильно действует на отсталую и консервативную психологию, то станет ясным, какую могущественную силу являло оно в руках церкви, в качестве проводника в сознание верующих благоговения перед самодержавным режимом помещиков и капиталистов. В сиянии блеска церковных свечей, среди «вони благоуханнiя» от дыма ка-

[50] П. Знаменский—Приходское духовенство со времени реформы Петра Великого, стр. 375.

дильного, в торжественно-мистической обстановке, попы в блестящих мишурою ризах и стройные хоры певчих возносили свои моления «о еже укрепити силою державу российскую и утвердити благоверного и благочестивейшего самодержца ее, благословити вся дела его и покорити под нозе его всякого врага и супостата».

Неудивительно, что абсолютизм Петра обратил особенное внимание на эту сторону массового религиозного действа и приказал своим рясофорным сподвижникам теснее увязать это действо с пропагандой самодержавного помещичьего строя и пересоставить все службы и чинопоследования с таким расчетом, чтобы утвердить верующих в той мысли, что «един есть бог на небе, и един есть и будет царь на земле». И мы видим поистине лихорадочную деятельность церковников в этом направлении. Пересматривались ектении и молитвы о победе над супостатами с целью более яркого выражения в них величия самодержцев; изменялись формы возношения при богослужении имен императорской фамилии с добавлением велеречивых титулов; в честь лиц царской фамилии устанавливались новые праздники и составлялись для них целые службы; точно так же все важные с точки зрения возвеличения Петра события отмечались нарочито составленными богослужениями, в которых самые события освещались тенденциозно, в «ура-патриотическом» духе; в дни вступления на престол Петра, коронования, рождения и именин его и его фамилии совершались торжественные богослужения с приличествующими случаю проповедями, в которых пропагандировалось величие самодержавия и слава «великих» Петровских дел. Так, в 1709 г. была составлена специальная служба в память Полтавской победы и на некоторые другие «викториальные» дни. Даже сам Петр остался недоволен этой службой за чересчур оскорбительные выражения против побежденных шведов и за излишнюю риторическую напыщенность в прославлении его «подвигов». Синод же, напротив, гордился и тщеславился этой службой и наградил ее составителя Феофилакта Лопатинского особым крестом для ношения на клобуке. В 1721 г. был выработан особый порядок церковного празднования Ништадтского мира, причем были составлены молитвословия, переполненные патриотическими выражениями, и был установлен семидневный звон. Семь дней колотили во все звоны и по случаю рождения наследника, и в то же время в 1723 г. раболепно поспешили составить особый благодарственный молебен, в котором осуждался сын Петра, царевич Алексей, задушенный им в каземате, эта погибшая «единая надежда» их феодальных вожделений. В 1723 г. была составлена служба «на тезоименитство» жены Петра Екатерины I и особое благодарственное молебствие о даровании ей здоровья. Одним словом, со времени Петра вошло уже в определенную систему все более или менее важные с политической точки зрения события непременно отмечать церковным богослужением, во время совершения которого царские имена и титулы склонялись много раз во всех падежах и числах. Этим дням в эпоху Петра был составлен особый реестр, или табель, и с тех пор, по распоряжению синода, он аккуратно печатался с допол-

нениями и всегда должен был висеть в алтаре каждого храма для вящшего напоминания попам и предохранения от того, как бы не обминули они «службой божией» сии знаменательные дни.

Изложенные факты ярко иллюстрируют собою смысл церковной реформы Петра и вполне убеждают нас в том, что эта реформа имела своей главнейшей целью приспособить церковь к требованиям восторжествовавшего дворянского класса по отношению к религии. Религия ценилась и ценится эксплоататорскими классами не сама по себе, а как нечто, весьма полезное для государства помещиков и капиталистов, как великолепное психологическое средство, удерживающее массы народные от всяких помышлений на «бунт и измену» существующему порядку.

Соответственно такой классовой роли религии был перестроен на новых началах и весь церковный аппарат. Из могущественной феодальной, собственнической организации, своими руками создавшей и возвеличившей идею самодержавия, церковь должна была превратиться в централизованно-бюрократическом государстве помещиков в простое правительственное учреждение и стать послушным орудием угнетателей как простой рычаг их власти. В силу этого как высшее, так и низшее духовенство, являясь живыми силами церкви, и, наконец, сама Духовная коллегия, преобразованная в синод, разумеется, должны были сделаться солидарными со всем дворянским правительством, со всем его направлением, со всеми целями и интересами господствующих классов. Оппозиционные настроения по отношению к «новшествам» и всей политике Петровского времени должны были, естественно, затихнуть. Напротив, в усердном и раболепном служении интересам помещиков церковь находила и силу свою, и веру в то, что новые хозяева ее не оставят.

Действительно путем тяжелой эволюции, через секуляризацию церковно-монастырских доходов, а позднее и секуляризацию всех вотчин дворянская самодержавная монархия прочно определила социальное положение духовной команды в своем государстве. Духовенство вновь стало особым, привилегированным сословием, получило возможность иметь права дворянства, приобретать и владеть недвижимыми имуществами и крепостными душами. Достаточно сказать, что в начале XX в. земельная собственность русской господствовавшей церкви вновь достигла весьма внушительных размеров. В 1905 г. по официальным данным она составляла 2 611 635 десятин, из них церквам принадлежало 1 871 858 десятин, а монастырям — 739 777 десятин. Самодержавное правительство вплоть до революции 1917 г. неустанно заботилось и о дальнейшем увеличении церковно-монастырского землевладения. С развитием капитализма особенную ценность среди богатств церкви составляла также огромная движимая собственность, т. е. капиталы и городская недвижимость.

Таким образом, весьма скоро после Петровской реформы церковь вновь делается крупнейшим помещиком и капиталистом. Это теснейшими узами связало духовное сословие с господствующими классами и точно определило его социально-политическую роль

в бывшей Российской империи. Это обязывало духовный чин создать особый религиозный культ государства и государственной власти помещиков и капиталистов, защищать и оправдывать самодержавный строй, выступать против борьбы угнетенных масс за свое освобождение. И те пути, которые указала церкви Петровская реформа, с течением времени лишь приобретали все более и более яркие очертания и, по мере развития классовой борьбы угнетенных со своими угнетателями, все более и более ярко выявлялась истинная контрреволюционная сущность церкви и ее классовая природа как одной из гнетущих сил эксплоататорского общества. В этой борьбе дворянская церковь отдавала всю свою организацию, весь свой персональный состав, весь культ и все молитвословия на охрану самодержавия помещиков и капиталистов.

Поучения и назидания, раздававшиеся с церковных амвонов, внушали верующим о «богоустановленности» того государственного режима, который вызывал проклятия на устах угнетенных. Религиозные обряды, «святые таинства», «слово божие», молитва и самая православная вера выставлялись в оплот и освящение тех жизненных порядков, которые несли неисчислимые страдания миллионам трудящихся.

Но под лозунгами защиты вековечных устоев «православия и самодержавия» скрывались истинные мотивы борьбы церкви и истинное ее лицо — лицо крупного помещика и капиталиста, стремящегося сохранить свои земные богатства, свои права и привилегии.

н со-
нной
ь са-
сс за
ская
более
рьбы
выя-
клас-
ского
свою
е мо-
стов.
онов,
нного
Рели-
и са-
е тех
дания

вия и
ви и
стре-
риви-

